



Т В О Й К Р У Г О З О Р

О. М. Гурьян

СВИДЕТЕЛИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

СВИДЕТЕЛИ

О. М. Гурьян





ПРОСВЕЩЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО



Т В О Й К Р У Г О З О Р

О. М. Гурьян

СВИДЕТЕЛИ

И С Т О Р И Ч Е С К А Я П О В Е С Т Ъ

Иллюстрации Б. А. Диодорова

М О С К В А

« П Р О С В Е Щ Е Н И Е »

2 0 0 7

УДК 087.5: 82
ББК 84(2)
Г95

Серия «Твой кругозор» основана в 2007 году

Гурьян О. М.

Г95 Свидетели : ист. повесть : [для сред. и ст. шк. возраста] /
О. М. Гурьян; ил. Б. А. Диодорова. — М. : Просвещение, 2007.
— 144 с. : ил. — (Твой кругозор). — ISBN 978-5-09-017953-9.

Историческая повесть рассказывает о событиях во Франции в начале XV века.
Короткая, но яркая жизнь Жанны д'Арк показана глазами ее современников.

УДК 087.5: 82
ББК 84(2)

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Серия «Твой кругозор»

Гурьян Ольга Марковна

Свидетели

Историческая повесть

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА



Scan AAW

Зав. редакцией *В. И. Егудин*

Редактор *Е. Г. Таран*

Художественный редактор *Т. В. Глушкова*

Компьютерная верстка *А. Н. Кильдин*

Технический редактор *Г. В. Субочева*

Корректоры *Н. В. Семенова, Н. Н. Шипилова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 20.06.07. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 6,77. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 58.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение». 127521, г. Москва,
3-й проезд Марьиной рощи, д. 41.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР». 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.



ISBN 978-5-09-017953-9

© Издательство «Просвещение»,
оформление, дизайн серии, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

6 января 1412 года — 23 апреля 1429 года	7
Глава первая	
Говорит автор	9
Глава вторая	
Говорит Перронелла Пьебуа	12
Глава третья	
Говорит Дюран Лассуа	17
Глава четвертая	
Говорит Бертран де Пуланжи	24
Глава пятая	
Говорит Роберт де Бодрикур	29
Глава шестая	
Говорит Гюгюс Парижанин	35
Глава седьмая	
Говорит мадемуазель де ла Тремуй	41
Глава восьмая	
Говорит дофин	45
Глава девятая	
Говорит дама Рабато	49
Глава десятая	
Говорит старик из Пуатье	56
Глава одиннадцатая	
Говорит оружейник из Тура	58

Часть вторая

Октябрь 1428 года — 17 июля 1429 года	61
Глава первая	
Говорит Уильям Эпльбай	63
Глава вторая	
Говорит Барнабэ с «Ирондели»	67

ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ГОВОРIT ЖАН Д'ОЛОН	71
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ГОВОРIT ЛУИ ДЕ КОНТ	75
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ГОВОРIT ЖАН ДЮРБРА	80
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
ГОВОРIT УИЛЬЯМ ГЛАСДЭЛ	86
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
ГОВОРIT ЖАК ЛЕ БАЛАФРЭ	89
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ГОВОРIT СЭР ДЖОН ФАЛЬСТАФ	95
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
ГОВОРIT ИЗАБО	100
Часть третья	
Август 1429 года — 30 мая 1431 года	103
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ГОВОРIT ЛА ТРЕМУЙ	105
ГЛАВА ВТОРАЯ	
ГОВОРIT ГИ КРОКАСЕК	107
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ГОВОРIT ГИЛЬОМ ДЕ ФЛАВИ	113
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
ГОВОРIT ЖАННА ЛЮКСЕМБУРГСКАЯ	119
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ГОВОРIT СТЕФЕН СПАЙР	122
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
ГОВОРIT ПЬЕР КОШОН	126
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
ГОВОРIT ПЬЕР КОШОН (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	131
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ГОВОРIT ДЖОН БАРДОЛЬФ	136
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
ГОВОРIT ЖЕНА ДЮРОМА	138
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
ГОВОРIT ЖОФРУА ТЕРАЖ	142
ПОСЛЕСЛОВИЕ	144

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

6 ЯНВАРЯ 1412 ГОДА —
23 АПРЕЛЯ 1429 ГОДА



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОВОРИТ АВТОР

Я не могу представить себе Жанну д'Арк.

Какая она была? Какая же она была в самом деле?

Ничего-ничего не осталось от нее. Ни портрета, ни описания. Еще сто лет тому назад в одном из музеев Франции хранилось письмо, продиктованное и подписанное Жанной, скрепленное вместо шелкового шнура недлинным черным волосом. Потом этот волос потерялся — последняя частица живой Жанны.

Но если я не могу вообразить даже внешний образ Жанны, тем непостижимей ее мысли и чувства.

На ужасном суде, когда еще живая, но уже на пути к смерти, она отвечала судьям, писцы запечатлели ее слова, а нотариусы заверили их и сохранили акты процесса. Сомневаться в их правде невозможно. Да, но самые правдивые слова — всего лишь искаженное отражение чувства и мысли.

Так что же мне делать? Как мне быть и жить дальше?

Уже много лет мысль о Жанне преследует меня днем и ночью. И теперь я все ночи напролет лежу без сна и смотрю в ночное окно, и за окном грохочут грузовики, и вдруг вспыхивает ослепительная искра — ранний трамвай, — и который же сейчас час?

И я знаю, что нет мне спасенья и нет мне избавленья от навязчивой мысли, пока я не напишу эту книгу.

Жанна удивительная, до сих пор не объясненная! До нее и после нее великие полководцы прошедших веков заливали землю огнем и кровью, завоевывали полмира и вновь теряли его. Атилла, Батый, Тамерлан... Чудовища с ранних лет учились своему ремеслу — знатные звери, не боящиеся чужой смерти.

Но Жанна ведь была крестьянская девушка, не обучена грамоте, не умеющая скакать на коне, не владеющая мечом. Ни разу не обнажила она свой меч и никого не убила и не покалечила.

И она никого не завоевала, а всего лишь освободила свою родину и выгнала за море поработивших страну врагов. Сколько сменилось поколений — Франция существует благодаря бесмертному подвигу Жанны.

Ах как мне, обыкновенному человеку, осмелиться писать об этом неповторимом гении? И как жить дальше, когда неотвязная мысль о ней не дает мне жить?

И я думаю, думаю, думаю о ней днем и ночью. Какая же она была? Какая она была на самом деле?

Ее видели многие тысячи людей, ее современников, свидетелей ее жизни. Одни — в толпе издалека, а другие — ежедневно и рядом. Каждый воспринимал ее по-своему, и она открылась им с разных точек зрения. Если сопоставить эти точки, быть может, удастся увидеть ее такой, какой она казалась им в то время. В то время...

В дикое и темное Средневековье, удаленное от нашего мировоззрения так далеко, отделенное от нас такой чудовищной пропастью, что, казалось бы, невысказимо ее перешагнуть.

Но этих людей, свидетелей жизни Жанны, я могу вообразить, потому что человеческие чувства — любовь и ненависть, голод и смерть, и страдания, и великое счастье подвига — неизменны во все века.

Я лежу и думаю об этих людях, и еще ночь, но уже светает, и силой моего воображения я могу увидеть этих людей, и понять их чувства, и угадать их мысли. Их свидетельства — это и будет моя книга о Жанне. Светает, но солнце еще не взошло. Все кругом еще серое, предрассветное. Вот на самом краю горизонта длинное облачко засветилось красной полосой. Избушка на краю деревни. Дверь ниже уровня земли. Дверь кач-

нулась на кожаных петлях. По ступенькам поднимается, ступила на землю, заслонила глаза ладонью, смотрит на восходящее солнце старая женщина. На ней платье из домотканой холстины, усеянное яркими заплатами, хотя некоторые уже успели выгореть. У нее маленькое, сморщенное, круглое лицо. Она открывает беззубый рот. Сейчас она заговорит.

Это первая свидетельница — деревенская нищенка и сказочница — Перронелла Пьебуа.

— Добрая Перронелла, что ты помнишь о Жанне?

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОВОРИТ ПЕРРОНЕЛЛА ПЬЕБУА

Наступает светлый день.

Народилась Жанна.

*Ларирадондэнь, ларирадондэнь,
Ларира, ларира – осанна!*

Я — Перронелла Пьебуа, я помню сто сказок и полторы при-
сказки. Дайте мне глоток вина, добрый глоток вина и корочку
хлеба закусить, и я все расскажу по порядку.

В одной деревне жили петух и курочка. Под вечер петух по-
шел в трактир, а денег-то у него и не было. Вдруг видит в при-
дорожной пыли... Ах, не про то? Память-то у меня изнасилась
немного. Ведь пятьсот лет и еще семьдесят — все и перепута-
лось. Так о чем я?



У одного короля родился сынок. Вот он и созвал на крестины всех знакомых фей. А угостить-то и нечем. Побежал король в кладовую, все полки облазил, все мешки перетряхнул... Опять не то?

Так про что же? Ах, про Жанну!.. Так бы вы сразу и сказали.

Жанна, Жаннета, Жанетон! А не Фаншетта ли? Или как ее, Марион?

Вспомнила, вспомнила, вспомнила! Это вы про Жаннету, про дочку старосты? А как же: отец Жан — дочка по нему Жаннета, уж это так водится. Если отец Этьен — дочка Тьенета, отец Николя — дочка Коллета. Уж это такой обычай.

Вы говорите, он не Жан был, а вовсе Жак? Ну и что с того? Ну, запомняла я, ведь это давно было. И вы меня не перебивайте, а то я все перезабуду. И вы ведь не про него спрашиваете, а про дочку.

Как мне ее не помнить! Когда она родилась, мне на радостях и в суматохе целую колбасу подали. Не верите? Конечно, трудно поверить, а только я старая женщина и обманывать не буду.

Ах какой пронзительный дул зимний ветер, ох-ох-ох! Сквозь все дыры продувал, до самого сердца колот ледяными пальцами. И толкал, и хлестал, и мотал во все стороны. Думала, не дойду живая, а дошла. В окошко стукнула, и мне подали эту колбаску. Горячую, только что со сковороды. Ах, что за колбаска была! Жирненькая, румяная, и такой от нее хороший дух. Я ее как сейчас вижу — кончик завязан веревочкой, прямо цветочек, прямо не знаешь, нюхать ее, глазами любоваться или уже откусить. А как откусила я, проглотила кусочек, пошло тепло по груди и в живот — ожила я. Я эту колбасу вовек не забуду, чем хотите поклянусь!

По этой щедрой милостыне я Жаннету хорошо помню.

И после бывало — уж девочка подросла, было ей лет семь или восемь, — придешь к ним под окошко, она мне сейчас же вынесет мисочку похлебки. Нету того, чтобы собаку на тебя натравить, как другие-некоторые. Но я собак не боюсь, я такое слово знаю. Вот вынесет она мне поесть, что у них там в доме найдется. В одной руке мисочка, а в другой прялка. Сядет

подле меня на камушек, ждет, пока я поем, насытюсь, а сама смирно сидит, прядет пряжу. А как я оближу ложку, положу поверх пустой мисочки, она попросит:

— Тетушка Перронелла, Расскажи мне про святую Маргариту.

Я расскажу, почему не рассказать? И вы послушайте.

Жила-была в одном королевстве хорошая девочка по имени святая Маргарита. И повадился летать в это королевство страшный огнедышащий дракон. Где пролетит, все деревья в лесу спалит. Где наземь спустится, все деревни вокруг пожжет. Выходили против этого дракона и герцоги, и графы, и простые рыцари — вызывали его на бой. А он как дохнет — латы на них расплавятся. Они и беззащитные, будто дождевые червяки. Дракон их задней лапой и раздавит. Вот так. Созвал король своих советников и говорит:

— Что же это такое за безобразие! Этот дракон мои деревни пожег, мои леса спалил — совсем разорил. Мне теперь только остается ходить в долг просить. Не подаст ли кто два су?

А у советников ничего нет. Вот советовались они, советовались и порешили:

— А может быть, он голодный, с голоду огнем брызжет? Дадим ему на съедение хорошую девочку. Может статья, он не побрезгает, слопает ее, налопается и лопнет. Вот и беде конец.

Стали они искать хорошую девочку. А лучше святой Маргариты нет. Ее и послали.

Вот прощается она с отцом, с матерью. Они слезы льют, а она говорит:

— Не плачь, отец. Не плачь, матушка. Должна я спасти королевство от гибели. Кроме меня, видать, некому.

Вот поплакали они, простились, пошла святая Маргарита. По дороге еще к соседям забежала, там ее по-



дружка жила. Тоже хорошая девочка. Имя ей было святая Катерина.

Святая Маргарита говорит:

— Прощай, дорогая подружка! Уж нам с тобой не пасти овец, не плясать на весеннем лугу, не плести венков из майских цветочков. Я иду спасать королевство от гибели.

А святая Катерина отвечает:

— Иди, не бойся. Кроме тебя, видать, некому.

Святая Маргарита говорит:

— А дракон-то огнедышащий.

Но делать нечего, идет она. Идет она, а самой страшно. Страшно-то как! Опалит он ее своим дыханием — горячим огнем, останется от нее горстка пепла.

Страшно ей, а она идет, думает: «Должна я спасти королевство от гибели. Кроме меня, видать, некому».

И идет прямо на него.



Как увидел дракон, что эта девочка его не боится, храбро идет прямо на него, он сам перетрусил и поскорей улетел восвояси, уж в это королевство не заглядывал.

Расскажу я Жаннете эту сказочку, а она радуется, просит: — Еще раз расскажи, тетушка Перронелла, расскажи сначала.

Мне что? Я еще раз расскажу. И по третьему разу еще раз расскажу.

Вы спрашиваете, какая она из себя была, эта Жаннета? Как вам сказать? Пятьсот лет — немалый срок. За пятьсот-то лет стерлось ее лицо в моей памяти. Девчонка как девчонка.

Мне нравится, когда девчушка пухленькая, как цыпленочек, волосики желтенькие, пушистые. А у нас таких не водилось. Их сдобными булочками, жареными гусями не кормили. У нас все жили впроголодь.

А с одной капусты, с черствой корки все девчонки в деревне были голенастые, тощие, растрепанные. И Жаннета такая же была.

И вспоминать нечего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОВОРИТ ДЮРАН ЛАССУА



Я — Дюран Лассуа, кузен Жанны. Но это я уже потом стал кузеном, когда женился на ее двоюродной сестре. А в то время были мы просто приятели с ее братом, с Жаном.

Мои родители жили неподалеку от Домреми, меньше часа ходьбы, и мы с Жаном были неразлучные — то он у нас, то я у них. Случалось и заночевать.

Я был здоровый парень, и хоть было мне тогда лет четырнадцать или, может быть, пятнадцать, а работал я в поле не хуже кого другого и так считал, что я уже взрослый мужик. А девчонок я в то время презирал. Мне что кошка, что девчонка — все было едино. Кошку дерну за хвост, девчонку — за косу. Так что я на Жаннету не обращал внимания, а она меня была моложе, лет двенадцати, должно быть. Бегают тут где-то, пусть ее бегают — мне что? Разве что иногда подножку ей подставишь для смеха. Она шлепнется, вскочит, лезет на меня с кулаками. А я отодвину ее в сторону и мимо пройду. У нас с Жаном и без нее своих дел хватало.

Вот как-то заночевал я у Жана, не хотелось ночью домой идти. Лето было жаркое, а в комнате и без меня тесно. Тетушка

Изабо постлала мне во дворе, и я был этим доволен. Воздух свежий, никто тебе в ухо не храпит, и ворочайся сколько хочешь с боку на бок — никого не заденешь.

С вечера я крепко заснул, а среди ночи просыпаюсь. Что за чудеса — на западе заря алеет. Что такое? Этого еще не бывало, чтобы солнце всходило на западе. «Нет, — говорю я себе, — этого не бывает. Это тебе снится».

Протер я глаза кулаками, сам себя ущипнул в бок покрепче и еще раз в зад ущипнул, и тут меня осенило — какое там солнце! Вовсе это не солнце, а пожар. Горит какая-то деревня, только не та, где я с родителями жил, а другая какая-то, подальше. И подожгли ее не иначе как проклятые англичане.

В то время в нашей стране была война. Вы, может, слышали про то? И тянулась она с незапамятных времен, лет сто или около того, и деды наши там воевали, и отцы, и, верно, нам суждено было. И от этой войны вся страна раскололась надвое, будто ударили по сухому полену колуном — обе половинки врозь лежат, — к северу все англичане забрали, к югу, что от Франции осталось. И война к нам уже так близко подошла, что в одной деревне мы еще французскому королю были верные, а в другой деревне бургундцы — бургиньоны — на английскую сторону тянут. И мы, бывало, мальчишками на такие деревни нападали и с ихними, бургиньонскими мальчишками до крови дрались.

И вот когда я увидел, что это пожар, я, понятно, испугался и как заору не своим голосом:

— Спасайтесь, англичане идут!

Тут такой переполох поднялся!

Все бегут, вопят, друг на друга натыкаются — ничего не разберешь. Тетушка Изабо свои горшки схватила, хотела их в старую юбку завязать узлом, второпях кинула — горшки в осколки. Тетушка плюнула, подхватила младших ребятишек — и бегом. Дядюшка с Жаном погнали овец, кричат:

— Бегите по большой дороге на Нефшато!

А Жаннета, дура, гоняется по двору за петухом и никак его не словит. Я ей кричу:

— Дура, брось петуха! Нагрянут сюда проклятые англичане, убьют тебя вместе с петухом и огнем спалят.

— Нет, — кричит она, — это хороший петух! Он каждую ночь зарю возвещает, ни разу не проспал. Я его англичанам ни за что не отдам, чтобы они его на вертел насадили и зажарили. А ты беги, если хочешь!

Как я могу убежать, оставить девчонку? Я схватил палку, кинул в петуха, подшиб ему крыло и сунул в плетенку к остальным курам. Жанна взяла плетушку, я ее за руку потянул, и мы побежали к большой дороге на Нефшато.

Мы с этими курами позамешкались, выбежали на дорогу, а уж никого наших не видать впереди.

Вот мы бежим, торопимся. Жанна уж тяжело дышать стала, начала спотыкаться. Девчонка, какой от них толк? Немножко побежала и сразу — ох! ох! — запыхалась!

— Давай, — говорю, — твою плетенку с петухом твоим дурацким.

Не дает, говорит:

— Ты ее кинешь.

— Да не кину я, дура ты такая! Я хочу, чтоб тебе легче было. Поняла?

Ну, она отдала плетенку.

Ташу я плетушку, Жанну за собой тяну. Даже смешно, как нагрузился.

И вдруг слышу: далеко за нами скачут кони. А где нам по прямой дороге от коней убежать? Надо прятаться.

Свернули мы с дороги в поле, а укрыться там тоже негде. Ни дерева, ни кустика погуще — прямо зло берет. И вдруг у меня земля из-под ног ушла. Я руками взмахнул, плетенку и Жанну выпустил и покатился вниз.

Яма. И неглубокая. А спрятаться в ней можно. Особенно в темноте.

Я шепчу:

— Жаннета, прыгай! Тут невысоко.

А она не отвечает.

Я высунулся, вижу — она лежит без движения.

Я плетушку кинул в яму, схватил Жанну под мышки, хочу ее поднять, а она вся холодная, твердая, вытянулась, как доска. Тяжелая, будто каменная.

«Ой, — думаю, — она от страха померла».

Кое-как я ее все-таки перетащил в яму. Не оставлять же ее посреди поля! Еще волки почуют, набегут, сожрут ее. И про англичан тоже говорят, что они едят детей.

Я ее положил на дно ямы, приложил ухо к груди — сердце бьется и будто дыхание тоже есть, только слабое.

Ужас как я испугался. Что мне с ней делать одному в яме среди поля? За водой бежать? Я там все источники на пять часов ходьбы знал. Так самый ближний — в лесу под старым дубом. Пока я туда и обратно добегу, боюсь ее одну оставить.

Стал я ей растирать руки и ноги. Снял с себя куртку, закатал в нее Жаннету. Своим дыханием согреваю ее. А она лежит прямая и холодная.

А время идет, и уже начало светать. Конского топота не слышно, и в яме тихо, как в могиле.

Вдруг этот петух — вот пострел, сразу видать, французский петух, не какой-нибудь, — этот петух выбрался из плетенки. Одно крыло волочит, прыгнул на Жанну и клюнул ее в ухо. И она открыла глаза.

Она открыла глаза и смотрит на меня. Глаза страшные, белые. У меня мурашки побежали по спине.

Она говорит:

— Дюран, я слышала голоса с неба.

Ох, думаю, помутилась дурочка в уме от страха. Но я слышал, с помешанными нельзя спорить, они от этого делаются бешеные. Я ей ласково отвечаю:

— А что за голоса, Жаннета моя милая?

Она говорит:

— Я слышала голоса святой Маргариты и святой Катерины. Они велели мне быть хорошей девочкой.

— Это хорошо, — говорю я. — Это они хорошо велели. Хорошо быть хорошей девочкой.

Но она не сводит с меня своих страшных глаз и говорит:

— Голоса сказали, если я буду хорошая девочка, я спасу страну от гибели. Кроме меня, некому.

Тут я чуть не заорал от страха. Совсем свихнулась. Сейчас кусаться начнет. Но я сдержался и так тихо, убедительно говорю ей:

— Как же, Жаннета, девочка моя, как это ты спасешь страну, когда все герцоги, и графы, и королевские рыцари не могут ее уберечь?

Она отвечает:

— Я должна ее спасти. Кроме меня, видать, никому.

Тут уж утро настало. Я высунул нос из ямы — смотрю, на большой дороге никого не видно. Надо думать, напрасно мы растревожились и англичане не добрались до Домреми. Однако же наши все в Нефшато. Надо и нам туда идти.

Вылезли мы с Жаннетой из ямы, захватили плетушку, пошли полем. Я на нее искоса поглядываю, а она — будто ничего с ней не случилось. Собирает цветочки, сплела венок, надела на голову. Идет приплясывает. Девчонка как девчонка, все равно что котенок.

После этого случая я лет пять не замечал за ней ничего. А верней сказать, я ее почти и не видел. С Жаном и со вторым братом, с Пьером, я встречался реже, чем в наши детские годы. И хоть бегал каждый вечер в Домреми, но не к ним, а на другой конец деревни. Там жила их двоюродная сестра, девушка, на которой я собирался жениться.

Про Жаннету я краем уха слышал, будто хотят ее выдать замуж за хорошего парня из Тула. А раз так, значит, все у нее в порядке, излечилась с возрастом от своего безумия.

И вот, сами понимаете, как я удивился, когда однажды под вечер, в начале января, я вдруг нос к носу столкнулся с Жанной неподалеку от их дома.

Она, видно, поджидала меня, потому что в волосах у нее блестели снежинки и все платье запорошило снегом. Когда она увидела меня, то отделилась от плетня, подбежала ко мне и заговорила:

— Дюран, я должна тебе что-то сказать.

Вот уж нашла место и время. Я говорю:

— Как-нибудь в другой раз поговорим, Жаннета. Мне некогда, и на улице холодно.

И уж ступил вперед, уйти от нее, но она схватила меня за руку, остановила и говорит:

— Дюран, я ухажу спасти Францию.

Ну, будто меня по голове бревном ударило. Опять, думаю, началось. Я говорю:

— Куда же ты пойдешь, Жаннета? Ведь тебя обещали за парня из Тула.

Она отвечает:

— Меня обещали, а я никому не обещалась. А я должна навек остаться девушкой, и исполнить повеление моих голосов, и отдать мою жизнь на спасение страны.

— Что ты, что ты! — говорю я, и других слов у меня нет. А она продолжает:

— О, Дюран, я все время слышу голоса. Почти каждый день. Как наступит полдень и все кругом замрет, я вдруг вижу с моей правой стороны ослепительный свет, такой яркий, что он все вокруг затмевает. И из этого сияния слышатся голоса. И сперва я так ужасалась, и меня била дрожь, и я никому не решалась говорить про это и тебе говорю первому. А теперь эти голоса все настойчивей и они требуют: «Иди, иди, иди!»

Я говорю:

— Жанна, ты уже взрослая девица. Тебе уже лет семнадцать будет. Уж пора тебе быть рассудительней. Откуда ты знаешь, что эти голоса с неба? А может быть, они от дьявола. Разве ты не знаешь, что полуденный дьявол всех других сильнее. Он главный мастер врать всякие небылицы, а ты ему поверила.

— Нет, — говорит, — и вовсе это не дьявол, а святая Маргарита и святая Катерина. И я их видела так ясно, как я вижу тебя. Они называли друг друга по именам, и так я узнала, кто они. И они все повторяли: «Иди, иди, иди». Нельзя мне дольше откладывать, и я должна пойти прогнать англичан, освободить город Орлеан и короновать нашего дофина, чтобы он стал настоящий венчанный король. Дюран, помоги мне уговорить отца с матушкой, чтобы они не противились.

— Ну, — говорю, — если ты такое сболтнешь дядюшке Жаку, он запрет тебя на замок.

— Поэтому я прошу тебя пойти со мной.

Что тут поделаешь? Я и пошел с ней.

А она, хитрая, ни словечком не обмолвилась ни про дофина, ни про Орлеан, ни про что такое, а только сказала:

— Мне надо пойти в Вокулёр к господину де Бодрикуру.

Тетушка Изабо как закричит:

— Куда ты пойдешь к господину де Бодрикуру, нашему сеньору, такой замарашкой! Надень мое красное праздничное платье. Оно еще совсем как новое.

Жанна говорит:

— Оно мне в боках будет широко.

Тетушка кричит:

— Ах ты лентяйка! А ты возьми иглу, забери его в швах, и будет как раз.

Тетушка достала платье и тут же распоролла швы и усадила Жанну зашивать их поуже. А дядюшка только сказал:

— Ты, Дюран, проводи ее, что ли. А то как бы дорогой чего не случилось.

На другое утро мы и пошли. А по дороге встретились нам сперва Жерар Гиетет, наш деревенский, а немного спустя Жан Ватерэн из Грё, и обоим им Жанна крикнула:

— Я иду в Вокулёр! Вы ведь знаете, что было предсказано, — женщина погубила Францию, а девушка ее спасет!

Вы бы посмотрели на их лица!.. Будто их громом поразило.

Когда мы наконец подошли к воротам замка, Жанна сказала:

— Спасибо тебе, Дюран, и прощай. Теперь уж я сама справлюсь, а у тебя есть свои дела.

Я говорю:

— И то верно. А как же ты без меня одна будешь?

— Я не одна, — отвечает. — Со мной мои голоса. Иди!

Я пошел, оглянулся. Она стоит перед воротами, платье красное. Руку подняла — постучать.

Я ушел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОВОРИТ БЕРТРАН ДЕ ПУЛАНЖИ



Я, Бертран де Пуланжи, начальник стражи в зámке Вокулёр.

А к чему стража и от кого охранять — один черт знает. И зámок не наш, а пришлось его сдать англичанам. И сидим мы здесь временно, на честном слове, а завтра, может случиться, сами перейдем на сторону англичан. А не то дадут нам пинка — и вылетим мы отсюда на все четыре стороны: и стража, и я с ними, и наш капитан. И будь оно все проклято, до чего мне это надоело!

Нет того чтобы вскочить на коня, взмахнуть мечом, задать англичанам добрую трепку и победить в честном бою, или, уж черт с ним, пусть меня зарубят. Я на все согласен. Но нет моих сил сидеть здесь, будто мышь в мышеловке, и смотреть, как Франция погибает.

Под вечер я от скуки пошел в караульную. Там содом. Мои солдаты впереमेжку со слугами сидят за столом, и все пьяны. Какие-то бродячие певички тут же вертятся — из тех, что на площадях бьют в бубен и пляшут мавританский танец на потеху толпе. А кто потрезвей — играют в кости. Выкидывают кости из кожаного стаканчика и орут:

— Шесть, восемь!

Проигрывают с себя все — и сапоги, и лук со стрелами, и исподнюю рубаху, собачьи дети. А в углу верхом на скамье сидят солдат Жеган Одноглазый и Парижанин Гюгюс, мой слуга, и играют в карты.

Это новая игра. Ее не так давно выдумали для покойного короля Карла VI, когда он потерял рассудок и полстраны. Мне в эту игру еще не приходилось играть, и я подошел поближе и стал смотреть, а они так увлеклись, что и не замечают меня.

Это такая игра: на кусочках бумаги нарисованы где желуди, где кружки, где сердца, а где пики от одного до десяти и еще короли, дамы и рыцари. Один бросает карту на скамейку, а другой покрывает ее картой постарше и забирает обе. А если ему нечем побить, первый забирает все. И вдруг я замечаю, что Жеган бьет короля одним желудем и тащит его к себе.

— Э, — говорю, — Жеган, чертов пес, ты мошенничаешь!

Он вскочил, отвечает:

— Нет, ваша милость, никакого мошенства нет. Вы уж простите меня за откровенные слова, а вы в этой игре ни фига не смыслите. Вы видите, этот желудь нарисован большой, и если один желудь или там одно сердце большое, такая карта всех сильнее и всех других побивает. Хоть она одна, а всех больше. Эй, Парижанин, уступи место начальнику: я ему сейчас покажу, как играть.

В это время одна из певичек ударила в бубен, мелко-мелко затрясла его и запела балладу:

Да не простит тебя Бог,
Не пустит за райский порог,
Госпожа Изабо, госпожа Изабо,
Проклятая королева.

И корона тебя не спасет,
И трон тебя не спасет,
Когда смерть за тобой придет.
Страшись ее гнева!

Ах, что тогда будет с тобой!
Ах, сунут тебя с головой
В чан с кипящей смолой,
И спасения нет, ах нет!

Ты страну свою продала,
Англичанам нас предала,
И за эти злые дела
Ты будешь держать ответ,
Проклятая королева.

Но простая дева придет.
Эта дева страну спасет,
Всех англичан перебьет
Чистая дева в красном платье,
В крас...

Кто-то за моей спиной с грохотом роняет оловянную кружку.

Я обернулся. В дверях стоит крестьянская девушка в красном платье.

Все обернулись и смотрят на нее.

И я вижу, что все они будто окаменели и недопитые кружки висят в руках, накренились, а вино льется на стол и на колени. И пальцы, держащие кожаные стаканчики с костями, разжались, и кости падают на плиты пола и громко стучат в тишине. А эти две певички, опустив головы и прижав к груди бубны, чтобы нечаянно не зазвенели, бочком пробираются к двери — выскользнуть незаметно, потому что таким, как они, теперь здесь не место. Девушка в красном платье говорит:

— Милые солдаты, я пришла спасти королевство.

Она говорит:

— Милые солдаты, кончилось время пить вино и играть в игры. Наденьте латы, опоясайтесь мечом и следуйте за мной.



Она говорит:

— Дайте мне коня и латы, я поведу вас к победе, и мы освободим город Орлеан, и коронуем дофина, и всех англичан выгоним вон.

Я смотрю, у моих солдат челюсти отвисли, они глаза вылупили, не сводят с нее, сидят как зачарованные. И у меня самого, наверно, такая же дурацкая рожа. Но я начальник, я должен за всех поразмыслить. Я встаю и говорю:

— Девушка, кто ты такая, и кто тебя сюда пустил, и что ты бормочешь за бредни?

Она отвечает:

— Я — Жанна д'Арк из Домреми, и никто меня не пускал, я сама вошла. Потому что волей неба все двери предо мной открыты и вовсе это не бредни. Святая Маргарита и святая Катерина приказали мне собрать войско и освободить страну, и я это сделаю. Вы только дайте мне коня и латы, а уж победный меч я сама достану.



Эх, думаю, чем черт не шутит! И кто бы она ни была — сумасшедшая, или колдунья, или в самом деле послана спасти нас, а только солдаты мои присмирели и слушают ее. Что-то такое в ней есть. И терять нам все равно нечего, и так все до последнего потеряно. Эх, была не была, пропади все пропадом... Поверить ей, что ли? Кто не пытается, тот не выигрывает.

Я говорю:

— Девушка Жанна, я здесь всего лишь начальник стражи. Я сам не могу решать. Я поведу тебя к господину де Бодрикуру. Он здесь главный, и, по его слову, мы пойдем за тобой или выставим тебя за ворота.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОВОРИТ
РОБЕРТ ДЕ БОДРИКУР



А-р-р-р! Сто чертей и чертова бабушка в придачу!

Я, Роберт де Бодрикур, начальник гарнизона в замке Воккулёр.

Я сижу у себя в комнате, ужинаю. Вдруг входит Пуланжи, начальник стражи, и говорит:

— Приятного вам аппетита! Там пришла девушка в красном платье.

— Мне сейчас не до девушек. Я ужинаю.

Он говорит:

— Приятного аппетита. Она хочет, чтобы дали ей коня и латы и проводили к дофину.

— Еще чего?

— Она говорит, что ей было знамение и голоса с неба приказали ей освободить город Орлеан, короновать дофина и прогнать англичан за море.

Я обозлился, но не очень. Это вредно для пищеварения. И я ему отвечаю:

— Вы, кажется, видите, что я ужинаю. Это не мое дело, а ваше — гонять вон всяких побродяжек. Дайте ей в шею и выкиньте за ворота.

Он не уходит, говорит:

— Она не побродяжка. Она...

Тут я стукаю кулаком по столу, только осторожно, чтобы не повредить руку, и я ему говорю внятно и понятно:

— Проваливайте вон! По делам я принимаю утром.

Кажется, все ему объяснил. Разжевал, в рот положил и еще пальцем в горло пропихнул. Проглотил и уходи.

А он не уходит.

Говорит:

— Знаете, в народе такое поверье: женщина погубила Францию, а девушка ее спасет.

Тут я как трахну кулаком — все косточки отбил — и кричу:

— А-р-р-р! Сто чертей и бесхвостый дьяволенок! Убирайтесь, пока я вам голову не прошиб! Это какая такая женщина погубила Францию? Это вы так смеее говорить про королеву-вдову? За такие слова, за оскорбление величества, вам не поздоровится! Вон!

Это я его нарочно попугал, чтобы он отстал от меня. Молокосос, никакого уважения к старшим.

А королева Изабелла действительно негодяйка, каких свет не видал. В сговоре с англичанами и своего родного сына, бедняжку дофина, и знать не хочет. Говорит, что он ей вовсе не сын, и никакой он не дофин, и французская земля уж теперь не французская, а английская. Сто дьяволов ей в глотку, такой королеве. Продажная мерзавка, и все тут.

На другое утро он опять является. Ну нет и нет мне покоя. Я храбрый рыцарь и не хуже кого другого дрался при Азенкуре, когда англичане нас вдребезги расколотили и мне расквасили голову. И я три месяца пролежал в постели и глотал всякие дрянные лекарства, и мне через день пускали кровь, так что я совсем ослабел, и каждый день мне ставили клистир. Вам когда-нибудь ставили? Знаете, что это такое? Ну то-то же!

И неужели я за все мои подвиги не заслужил немного отдыха на склоне лет?

Значит, является Пуланжи с самого утра и говорит:

— С добрым утром. Там эта девушка...

— А-р-р-р! — кричу я. — Тысяча чертей, и бесхвостый чертенок, и чертова бабушка в придачу! Не приставайте ко мне!

— Не волнуйтесь, — говорит, — не надо волноваться. Позвольте, я подам вам воды. Отхлебните глоток.

— Не пью я воды, не пью я воды, не пью я воды!

Но отхлебнул глоток, и мне как будто стало легче.

— Ну, — говорю, — пристали вы ко мне, как репей к штанам. Выкладывайте, что там такое, и покончим с этим делом.

Он садится и говорит:

— Если англичане возьмут Орлеан, наш последний оплот, им откроется путь на юг, и уже никаких преград не будет, и мы не сможем им противостоять.

— Все это я без вас знаю, — говорю я.

— И пока дофин не коронован, он не король и никто его не считает королем. Многие думают, что он даже не королевский сын и никакой не дофин. А когда англичане возьмут Орлеан — а у нас нет короля, — то Генрих Шестой, король Англии, семилетний ребенок, станет королем Франции и править нами будут английские бароны, а мы будем их вассалы и покорные слуги. И вы тоже, господин де Бодрикур.

— И что дальше? — говорю я и стараюсь сдержаться, чтобы не заорать на него.

— Нам терять нечего, — говорит. — Почему не попробовать? А все мои солдаты поверили в эту девушку и пойдут за ней хоть в самое пекло. И если солдаты верят в победу, они побеждают.

— Черта с два, — говорю. — Вы знаете, как англичане дерутся? Я был при Азенкуре, а вы не были. И англичан разбить нельзя.

— Можно, — говорит он. — Эта девушка их разобьет.

И тогда я говорю ему внятно и понятно:

— Тысяча чертей. И бесхвостый чертенок. И чертова бабушка в придачу. Не верю я ни в какие чудеса. Сто лет тянется эта война, и все сто лет нас били, бьют и будут бить.

— Со вчерашнего дня, как только появилась эта девушка, мои солдаты не пьют, не играют и не сквернословят. Разве это не чудо?

Не могу я с ним больше спорить, говорю:

— Я подумаю, приходите завтра.

На третий день я просыпаюсь в расчудесном настроении. За окном снег и солнце, а в комнате тепло, и печь не дымит. Я лежу и просто с удовольствием думаю, что сейчас придет этот дурачок Пуланжи. Я ему сделаю отеческое внушение и, если он не послушает, посажу его на часок в темницу. За один час крысы ему нос не отгрызут, разве только примножаются.

Пуланжи приходит с докладом, но ни словечком не упоминает эту девицу. И раз уж он не говорит об этом, мне, сто дьяволят, не к лицу его расспрашивать.

И так проходит целая неделя, а про эту девицу ни слуху ни духу. Однако же я замечаю, что моих солдат будто подменили. Не горланят, не клянутся, не напиваются, и рожи у них чисто вымытые и такие постные, как у целого университета богословов.

Ах, сто чертей и маленький дьяволенок! Я просто хую от любопытства.

У меня там один молоденький дворянчик, простодушный мальчишка лет двадцати, помощник Пуланжи, Жан Нуйонпон из Меца. Вот он ненароком попадаетея мне на пути, и я небрежно спрашиваю:

— Какие слышать новости?

Он говорит:

— Разве вы не знаете? Уже по всей Лореви и дальше все только говорят про девушку Жанну, которую послало небо спасти нас. И старый герцог Лорень вызвал ее к себе в Нанси, чтобы она исцелила его от болезней.

— Ах, — говорю, — чертова бабушка! Так она еще и лекарь?

Тут он вспыхнул, залился краской и говорит:

— Почтительно прошу вас не смеяться над ней. Она выше пустых насмешек. Нет, она не стала лечить его. Она ему сказала, что он ведет порочную жизнь и если не исправится, то никогда не выздоровеет, а вскоре умрет.

— Хо-хо, — говорю я. — Вот он, наверное, обрадовался? Небось наградил ее всяческими сокровищами за такой хороший совет.

Нуйонпон хмурится и говорит:

— Он дал ей негодную лошадь, и она вернулась в Вокулёр. Ах, капитан, — говорит он и смотрит на меня убедительными глазами, — это нехорошо, что вы не хотите помочь и ей напрасно приходится терять здесь время. Она говорит, что должна добраться до дофина, и лучше сегодня, чем завтра, и лучше завтра, чем потом, и она все равно дойдет до дофина, даже если ей придется истоптать ноги до самых колен. И, кроме как от нее, нам неоткуда ждать помощи.

— Сто дьяволят и старый черт в придачу, — говорю я. — Я человек податливый, и вы меня уговорили. Пусть зайдет завтрашний день с утра.

И вот она приходит.

Очень миленькая девушка, хотя мне и покрасивей встречались. И красненькое платьице, хоть и сшито по деревенской моде, очень ей к лицу.

Я говорю:

— Входи, входи, милочка. Не бойся.

— С добрым утром, — говорит. — А я ничего не боюсь.

— Ой-ой-ой, — говорю. — Какая ты храбрая! И серого волка не боишься?

— Не боюсь, — говорит. — Я пастушка. Мне нельзя пугаться волков.

— И меня, — спрашиваю, — не боишься?

— Нет, господин капитан. Я знаю, что вы добрый рыцарь и никогда не обидите бедную девушку.

— Хе-хе-хе, — говорю. — Ни бедную, ни богатую. Особенно богатую.

— Ах, — говорит, — я знала, что вы великодушный господин. И я так рада, что мы с вами договорились. Ведь и так уже потеряно много времени. И сейчас уже дофину нанесен под Орлеаном великий ущерб. И если я еще задержусь здесь, то тем больше будут потери.

— Постой, постой, — говорю. — Не так быстро. Мы с тобой еще ни о чем не договорились.

— Да что там? — говорит она. — Пустяки остались. Конь и латы у меня уже есть. Латы не очень красивые, но на первое время сойдут.

— Постой, постой, — говорю. — Откуда это у тебя?

— Солдаты сложились, у кого сколько было, и господин Пуланжи добавил, что не хватало. Лошадка такая смиренная, а латы купили старые у оружейника в городе.

— Сто чертей, — говорю, — и бесхвостый дьяволенок, и чертова бабушка в придачу. Выходит, ты всех околдовала?

— Пожалуйста, не ругайтесь, господин де Бодрикур. Это очень некрасиво и неприятно слушать, и я никого не околдовала, потому что я не колдунья, а простая пастушка и делаю только то, что мне говорят мои голоса.

— Ах голоса! — говорю я. — Это что такие за голоса и как они с тобой разговаривают?

А она — вот дерзкая девчонка! — ухмыляется и говорит:

— Во-первых, они никогда не ругаются.

Ловко отбрила!

Я делаю серьезное лицо и внятно и понятно начинаю говорить:

— Ну, милочка...

— А я не милочка, — перебивает она. — У меня уже есть латы, и я теперь солдат.

— Ладно, Жанна-солдат. Мне уже докладывали, что ты собираешься освободить Орлеан. Теперь у тебя есть лошадь и латы. Поезжай и освободи. Я тут ни при чем.

— Нет, — говорит, — при чем. Вы должны разрешить Пуланжи и еще двум-трем людям проводить меня к дофину, и вы должны дать мне письмо, что это вы меня послали.

— Сто чер... тьфу! Никуда я тебя не посылаю.

— Это очень нехорошо отказываться от своих слов. Вы сказали: поезжай. Значит, вы меня послали.

Ишь ты, такая козявка, а ее не переспоришь.

Написал я письмо дофину, что так, мол, и так, дал ей в провожатые Пуланжи, и еще Жана из Меца, и двух солдат, Жегана и Тибо, и слугу Гюгюса. И она уехала.

Какая она была из себя?

Хорошая девочка, ничего не скажешь, очень миленькая. В семнадцать лет они все как цветочки. Хотя мне, бывало, встречались и покрасивей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОВОРИТ ГЮГЮС ПАРИЖАНИН



Я Гюгюс, по прозвищу Парижанин, слуга господина де Пуланжи, и еду в Шинон, ко двору дофина.

Я еду верхом на коне. Понятно, не на отдельной лошади, а Жеган Одноглазый посадил меня позади себя в седло. И на мне новые суконные штаны, которые раньше носил Пуланжи, а потом залил их жирным соусом, и это пятно не выводится, так он мне отдал.

Я еду ко двору дофина верхом на коне, в суконных штанах. Увидали бы меня мои парижские знакомцы, они бы от зависти лопнули по всем швам.

Я доволен, и на моих губах улыбка. А внутри у меня что-то скребет и чешется. Как знать, что меня там поджидает за углом, да вдруг выскочит и нападдаст? В нашей жизни не бывает счастья, а одни колотушки.

Это я так потому чувствую, что, хотя я еще молодой, мне примерно будет лет двадцать, я эти лета не считал, но уже три года брею бороду, значит, мне около двадцати, побольше или поменьше, но я так чувствую, потому что я человек недовер-

чивый, ни в чем никому не поверю, уж так меня воспитала моя судьба.

Я родом из Парижа, оттого мне и прозвище Парижанин. Париж большой город, и там всего много. Разные там соборы, и часовни, и каменные дома на площадях. И живут в этих домах богатые господа.

Но не проходит и месяца, то одного, то другого из этих господ сажают на перекладину в поганой тележке, везут его на эшафот, срывают с него пышную одежду и рубят ему голову.

Одного за то, что он приверженец бургундского герцога, а другого за то, что он верен дофину.

То одержат верх бургиньоны, то арманьяки. Так мы зовем сторонников дофина. И то бургиньоны, то арманьяки грабят и жгут. Школяры дерутся с университетскими профессорами, а сосед избивает соседа.

Но меня это не касается. Я был тогда еще маленький, а теперь в Париже крепко засели бургиньоны, привели с собой англичан, своих друзей и союзников, и теперь их уже не поколотишь.

Я был тогда маленький и в этих каменных домах на мощеных площадях не жил.

Есть в Париже мерзкие тупички, заросли грязью, как дно мешка мусорщика, где одни объедки, и обрезки и обноски, а домишки там скособочились, подперты бревнами, будто костылями, и одним мутным окошком скривились на такое безобразие. Это и есть моя родина. Говорят, я был кудрявенький младенец, не хуже там королевского сына или сыночка главного мясника с Больших боен, которому подчиняются все мясники, и живодеды, и дубильщики кож, и скорняки. Но моя судьба мне быстренько эти кудри выпрямила, и они стали торчать вихрами.

До чего же мне не везло! Как из поганого ведра, которое хозяйка выхлестнула из окна на улицу, сыпались на меня одни гадости, неприятность за неприятностью. И совершенно несправедливо.

Даже не хочется всего рассказывать, потому что за некоторые мои дела вполне могли меня повесить за шею, чтобы я болтался по воле ветра и вороны клевали мои глаза. Но теперь уже можно про это говорить — столько времени прошло, пять-

сот лет, что ли? И уже теперь невозможно меня повесить, потому что двум смертям не бывать.

Помню я, для примера, такой случай.

У нас в Париже по ночам улицы темные. Как прозвонят тушение огней, все светильники гаснут. Только кое-где на перекрестках, подле статуи какого-нибудь святого горит факел в железной клетке. А на два шага отойдешь, и опять ничего не видно.

Вот как-то ночью выхожу я на прогулку, и вдруг какой-то прохожий хватает меня за руку и совершенно несправедливо кричит «караул», будто я у него кошелек вытащил. А я этот кошелек отроду не видал в глаза. И очень мне нужен такой старый потрепанный кошелек, и всего-то в нем одна серебряная монетка, и два медяка, и обрывок ленточки на память.

Но все это было и прошло, и теперь я слуга господина де Пуланжи, начальника стражи, и я еду ко двору дофина, сопровождаю эту девушку Жанну.

Хорошо едем. За спиной у Жегана сажу я, а за спиной у Тибо два кожаных мешка. И в них хлеб, и сыр, и колбаса. По дороге ничего съестного не достанешь ни добрым словом, ни угрозами, ни за деньги, ни за колотушки. Все деревни дотла разорены, и хоть полцарства предложи — дохлую кошку невозможно купить. Я так думаю, всех кошек сами поели.

А дороги идут все лесами и болотами, давно не езженные дороги, заросшие колючками и кустарником. Не попадаютс нам навстречу ни коробейник, спешащий на ярмарку, ни странствующий подмастерье, ни крестьянин, возвращающийся к себе домой из соседней деревушки, где гостил у кума. Только волки воют в покинутых полях. А в чаще леса водится всякий сброд — и бургиньоны, и англичане, и беглые солдаты.

Лучше нам быть настороже. И оттого мы движемся небольшими переходами, большей частью ночами, а на день останавливаемся за крепкими стенами монастырей. И так мы едем из Сент-Урбэна, где река Марна широко разлилась и из мутной воды торчат верхушки деревьев. На следующий день останавливаемся в Клерво. А сегодня будем в Потьере.

И вот я еду ко двору дофина верхом на коне, в суконных штанах, и не чую, что меня ожидает за углом. Я даже мурлычу себе под нос песенку, так я беззаботен.

И вдруг какие-то хриплые голоса как завопят:

— Стой!

И из-за деревьев вылезают такие чудовища, я у себя в Париже всего навидался, а такое мне еще не встречалось. Заросшие волосами, так что и носа не видать, в отрепьях, машут серпами и дубинами, голодные пасти ощерили, вопят:

— Стой!

И мы останавливаемся.

Попробуй не остановись. Да они вмиг серпами подрежут коням ноги, тогда уж не ускачешь.

Пуланжи кричит:

— Руби их!

И уже Жеган вытаскивает меч и локтем задел меня по скуле.

И вдруг эта девушка Жанна повелительно поднимает руку и громко говорит:

— Постойте! Ведь это французские крестьяне.

А они вылезли из кустов, обомлели. Удивляются: в латах девушка, что такое?

Она говорит, обращается к ним:

— Ах бедные вы люди! Каково вам в темном лесу, вдали от родной семьи, и ваши поля не возделаны, и скотина пала. Но теперь уж недолго вам страдать.

Они ближе подступили, теснятся вокруг нее, а она ласково говорит:

— Милые земляки, не задерживайте нас. Мы очень торопимся прогнать англичан и спасти Францию.

Они простирают к ней руки, а некоторые даже плачут, утирают носы рукавом и бормочут:

— Женщина погубила страну, а девушка спасет ее. Выпало нам счастье увидеть тебя.

На обе стороны подались, на колени пали, причитают:

— Сотвори чудо, девушка! Спаси нас!

Мы уже далеко отъехали, а они все вслед кричат:

— Спаси нас! Спаси нас!

Я — человек недоверчивый. Я в чудеса не очень верю — не приходилось их наблюдать. Я так считал, что эта Жанна попросту обвела господина де Бодрикура вокруг пальца для какой-то своей выгоды. Но как она таких отчаянных разбойников ути-



хомирила — это меня поразило. Такая штука не удалась бы самой хитрой девчонке. Это, прямо скажу, удивительное дело! Я сам, кажется, пустил тогда слезу, а такого со мной отродясь не бывало.

На восьмой день пути прибыли мы в Жиен и въехали туда по старинной дороге, называемой Дорога пустыни, а выехали через ворота Золотого льва. Переехали мост через реку Луару, и тут к югу французская земля. Тут бургиньонов уже нет, разве какие потайные. Тут уж нам ничего не грозило.

До Шинона оставалось два дня пути, но мы на целые сутки задержались в местечке Фьербуа. Это маленькое местечко, а очень знаменитое по всей земле.

Делать мне тут было нечего, и от нечего делать я тоже пошел посмотреть эту тамошнюю знаменитую часовню.

Ничего особенного я не ожидал увидеть — я у себя в Париже всего нагляделся, меня не удивишь. А ведь удивился!

По всем стенам вся часовня была увешана мечами, и какие же это были мечи, собранные там с самых древних времен. И мечи, которыми Роланд и его рыцари рубили сарацинов. Мечи, которыми воины короля Людовика разбили английского короля Генриха Третьего. Мечи крестовых походов. Мечи Пуатье и Кресси. И даже статуя святой Катерины держала в руке большой, ярко раскрашенный меч.

Я походил, полюбовался на эти мечи, но мне скоро надоело, и я вернулся в гостиницу и лег спать. А еще через день мы наконец добрались без всяких приключений до замка Шинон, где дофин держал свой двор.

А на другой день мой хозяин и мы с ним повернули обратно в Вокулёр, и я уехал верхом на коне, в новых суконных штанах, и так и не увидел, какой из себя дофин и что у него за двор.

А Жанна осталась там, и больше я ее не встречал, и рассказывать больше не о чем.

ГОВОРIT МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ ЛА ТРЕМУЙ



Но неужели вы не знаете, кто я? Очень странно!

Все говорят мне, что я всех прекрасней в нашей стране и даже Троянская Елена и Клеопатра, царица Египта, недостойны завязать ленты моих туфель. Все так говорят, а вы меня не узнаете?

Наконец, вот герб, вышитый на моем платье. Он достаточно велик, от горла и до самого подола. Это знаменитый герб, и все его страшатся. Вы, наверно, слепы как крот, если не узнали его.

Я мадемуазель де ла Тремуй, дочь графа де ла Тремуй и госпожи графини, его супруги.

Ах, тресни моя шнуровка, какая мне польза от моей знатности и красоты! Здесь такая скучища. Я с утра и до ночи зеваю, зеваю и зеваю. Мои дамы говорят, что не надо так много зевать, иначе так навсегда останешься, и уж не придется рот закрыть. И как же я тогда буду есть? Ведь из такого рта все куски вывалятся на скатерть и от этого я даже могу умереть. Ах, я хотела бы умереть, до того мне скучно!

Представляете себе этот двор дофина в Шиноне? Дофин похож на кролика — толстый мясистый нос свисает на верхнюю губу. А одевается! Смотреть противно! У нас дома у последнего садовника кафтан новей и нарядней. И вино кислое, и цыплята жесткие, и даже менестрели сюда не заглядывают — развлечь нас песней или фокусами. Да что там! Потанцевать не с кем! Я согласна биться об заклад, что в монастыре и то веселей. Про монашек рассказывают такие забавные истории, просто обсмеешься.

Так вот, скука, скука и скука. Мой отец, господин граф, с утра и до ночи ругает дофина, что он не дофин, а неизвестно кто, и почему он не отдает деньги, которые занял у моего отца, господина графа, и давно ему пора признать английского короля своим владыкой. Вот возьмут англичане Орлеан, все равно придется покориться.

Я думаю, это будет очень весело, если они наконец победят нас. При дворе английского короля, наверно, много молодых вельмож и доблестных рыцарей. И при моей красоте и знатности я и там буду не хуже других.

Ну вот мы все собрались в большой зале, и мой отец, господин граф, тут, и дофин тут же бродит, и приехал господин Жиль де Рэ, очаровательный молодой человек. Такой щеголь, и у него такая прелестная борода, черная-черная, как вороново крыло, даже отливает в синий цвет, — мои дамы так и прозвали его за глаза: «Синяя борода».

Но хотя уже все собрались, никакого веселья нет! И никто не рассказывает ничего забавного, например, про монашек или как одна дама испугалась, что ее муж пришел, и вытолкала своего поклонника в окошко. А под окном выгребная яма, и он упал прямо туда, хи-хи-хи, и вылез с ног до головы, ха-ха-ха, представляете, в каком виде? Нет, ничего такого не говорят, а уж откроют рот, так только переругиваются. И мой отец, господин граф, ругает дофина, а его святейшество архиепископ тоже тут, и он ругает милого господина де Рэ, а потом все вместе опять ругают дофина. Таких слов наслушаешься, даже приходится краснеть. А дофин настоящий кролик, и нос у него дергается и дрожит.

И вдруг входит паж и приносит письмо. Они это письмо рвут друг у друга из рук — как-никак новости, любопытно узнать. Но наконец архиепископ читает письмо вслух и мы узнаем, что это от господина де Бодрикура, и он посылает дофину необыкновенную святую девушку, и будто эта девушка спасет Францию, и освободит Орлеан, и коронует дофина. Очень надо его короновать, такого кролика!

И все говорят:

— А ну-ка посмотрим, что это за девица?

А господин де Рэ, он такой остроумный, говорит:

— Давайте испытаем ее, какая она святая? Сумеет она узнать дофина? Давайте-ка я сяду на трон, будто я дофин, а мадемуазель де ла Тремуй рядом со мной, будто она королева, а дофин пусть спрячется среди придворных, будто он обыкновенный дворянин.

Я даже в ладоши захлопала и сейчас же села на трон, и все согласились, что это все-таки хоть какое-то развлечение, и де Рэ сел рядом со мной и пожал мне руку. А дофин надулся и хотел спорить, но ему пришлось уступить. Он смешался с толпой, и его стало совсем незаметно в его сером кафтане.

И вот входит эта девица.

Ну и девица!

На ней старые ржавые латы и на ногах чулки, как у пажа, — никакой девичьей скромности. И волосы выгорели на солнце, и лицо обветренное, сразу видать деревенщину. Настоящее чучело — воробьев пугать.

И эта нахалка и не думает кланяться мне, хотя я сижу на троне и господин де Рэ, будто дофин, рядом со мной. А она поворачивается к нам спиной и оглядывает всех, кто в зале, и бежит прямо к дофину, и падает перед ним на колени, и говорит:

— Милый дофин, вот я пришла к тебе!

Как она его узнала, по его носу, что ли?

Дофин ее подымает, весь распушился и говорит:

— Вот! Видели? Она сразу признала меня. Вне всякого сомнения, эта девушка послана мне небом.

Архиепископ говорит:

— Что такое? Это кощунство!..

Но эта девица его перебивает и говорит:

— Теперь все будет хорошо, милый дофин! Я освобожу Орлеан и короную тебя в Реймсе, и Франция опять будет свободна и счастлива.

Когда я это увидела и услышала, я так обозлилась, что скорей встала и ушла. И пока я шла по коридору, я все слышала, как они там в зале кричат и вопят, и громче всех господин граф, мой отец. И дофин визжит, будто его режут, и архиепископ проклиняет всех и все самыми ужасными словами, а эта девица в латах восклицает:

— Милый дофин, не бойся!

И прошу вас: больше не задавайте мне вопросов. Никаких! Иначе я опять хлопну дверью.

ГОВОРИТ ДОФИН



Я — дофин Карл.

Я — дофин, я червяк, я ничтожество. Я забился в этот замок Шинон, на этой последней пяди моей земли, как олень, загнанный сворой собак. Вокруг меня враги. Сверкающие злобой глаза, злобно отверстые пасти, ощеренные клыки, готовые растерзать меня.

Никто меня не любит.

Я — дофин, наследник французской земли и короны. Наследник ли? Мой отец был безумцем, но и в таком отце мне отказано. Моя мать меня терпеть не может и нагло похваляется, что не король мой отец, а неведомый паж или конюх. И все повторяют: «Ей ли не знать, ведь она ему мать».

Моя мать предала меня. Она выдала свою дочь, мою сестру — сестру ли? — за английского короля и подписала с ним договор, что дитя моей сестры от английского Генриха будет законным королем Франции, а за его малолетством Генрих является регентом. Моя мать предала Францию в руки англичан, и что же теперь осталось мне.

Никто меня не любит.

Моих рыцарей бьют англичане. Мои придворные презирают меня, потому что у всех у них я постоянно беру деньги в долг. И никакой надежды впереди.

И я уже подумываю, не покинуть ли мне мою страну, которая уже не моя, и не бежать ли мне в Шотландию или Кастилию, к северу или к югу, куда поведет меня моя несчастная судьба.

Никто меня не любит, и я сам себя ненавижу. Мое тело хило, мои ноги слабы, мой ум мешается, мое сердце испуганно.

И вдруг — эта девушка!

Мне безразлично, кто она. Архиепископ Реньо сомневается в ней и говорит, что она колдунья. Пусть колдунья. Пусть сам дьявол послал ее, лишь бы она исполнила свое обещание. Она последняя соломинка, за которую утопающий — я — хватаюсь.

Ла Тремуй говорит, что она обманщица, но сам он обманщик и наслаждается, сплетая сеть хитрых интриг, искусную игру выгоды и лести, угроз и тайных договоров. Пусть она обманщица, но на пользу мне, а не ему.



И уже ходят слухи, что она святая, посланная небом. Что-то до сих пор я не видел помощи от святых.

Однако же она узнала меня в толпе придворных!

Эта девушка, как она сумела меня узнать?

В зале было триста человек и свет пятидесяти факелов. Когда она шла, ее дергали за рукав, и смеялись, и показывали пальцами на трон, и, издеваясь, говорили:

— Вон дофин! Узнаешь ли его?

Может быть, кто-нибудь потайно указал ей на меня? Может быть, она заранее знала, каков я по виду? А быть может, под скромной одеждой, за некрасивыми чертами лица (разве я уж так некрасив? но все, без стеснения, говорят это), в чертах моего лица она почуяла королевскую кровь и пошла по следу безошибочно, как гончая собака. Не все ли равно?

Когда, встав на колени, она приветствовала меня, мои ноги задрожали и сердце подскочило от счастья, и я мгновенно понял, что вот она — последняя надежда, последняя соломинка, которая против всех вероятностей извлечет меня из пучины бедствия.

Но уже кругом шумели негодующие голоса, и брань, и проклятия. И я испугался и не посмел один выступить против всех, и я сказал:

— Девушка, я должен знать, от добра ты или от зла. Поддай мне знак, чтобы я мог тебе поверить.

Она ответила:

— Я не могу подать знак в присутствии тех, кто не достоин его увидеть. Тебе одному, милый дофин, дано увидеть и услышать такое, что ты поверишь мне.

Мы отошли в сторону, и хотя в зале было много людей, но никого вблизи нас, и она заговорила:

— Милый дофин, небо сжалилось над тобой, над твоей страной и над твоим народом. И в доказательство того, что я послана тебе на помощь, я открою тебе твои тайные мысли, которыми ты ни с кем на свете не делился.

И она сказала:

— Ты сомневаешься в том, что ты сын короля, и хочешь отречься от своих прав и бежать из своей страны. Но я говорю тебе, что ты истинный наследник французской земли и я корону тебя в Реймсе. И эту корону, такую драгоценную, что ни одному ювелиру не сделать подобную ей, принесет ангел.

Она стала рассказывать, какая эта корона, и какими камнями она украшена, и какими узорами они оправлены, золотом, таким сияющим, что оно слепит глаза.

И от волнения, от дыма факелов, от отдаленного шума голосов я почувствовал, что моя голова мутится и свет режет мне глаза, и, клянусь, мне померещилось, что я вижу эту сверкающую корону над моей головой. Но я постарался овладеть собой и спросил:

— А будет ли такая корона в Реймсе?

Она ответила:

— Тебя коронуют той короной, которая будет в соборе. Но эта небесная корона, и бессмертная слава, и прозвище Победителя — все это придет после.

Тут я очнулся и долго смотрел на нее, взвешивая ее слова и голос, и удивительное их действие на меня, и ее веру в победу. И я подумал: «Если я откажусь от нее, я погибну».

Я повернулся к придворным и громко сказал:

— Она показала мне знак!

Но если вы думаете, что все сомнения этим разрешились, то вы жестоко ошибаетесь. Слишком много было у меня врагов.

Я поселил Жанну в одной из башен на стене замка, башне Кудрэ, и дал ей челядь, как полагается знатной особе, и маленького пажа, по имени Луи де Конт, и оруженосца, храброго воина Жана д'Олона, и духовника Жана Пакереля, и она жила в этой башне Кудрэ в семье одного из моих придворных — Гильома Белье. Здесь я ее посещал, и со мной многие знатные особы, герцог Алансон и другие, и все они поверили в нее.

Но архиепископ, и ла Тремуй, и многие с ними не прекращали злых наговоров и настаивали, что нельзя ей доверить войско, пока не выяснится, от добра она или от зла. А выяснить это можно, послав ее в Пуатье, где университет и много ученых — духовных лиц, пригодных к тому, чтобы исследовать подобные дела, и светских лиц, которые обучены искусству допроса и смогут засвидетельствовать правдивость ответа.

У меня не хватило духа спорить с ними, и я согласился и сказал о том Жанне. Она ответила:

— В Пуатье? Я знаю, что меня ждет там тяжкое испытание. Но мои голоса мне помогут. Так скорее в путь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОВОРИТ ДАМА РАБАТО



Я — дама Рабато, жена адвоката по делам казны в городе Пуатье, и живу в доме Роз, на углу улицы Сент-Этьен. Он потому называется «дом Роз», что его фасад расписан по штукатурке выющимися розами и на него приятно смотреть снаружи, а внутри все тоже устроено хорошо и как прилично нашему положению. Глаза радуются глядеть на все эти резные лари, и тяжелые кресла, и мягкие подушки в цветных чехлах, и на большой дубовый шкаф, а на нем вырезаны Адам и Ева, а между ними ветвистое дерево, и все это так искусно резано, как живое, и Ева протягивает Адаму большое яблоко. Ах, если бы даже мне предложили переехать во дворец, я бы ни за что на свете не согласилась, так мне нравится наш дом!

А если бы только вы заглянули в мою кухню и увидели, какая там посуда — и медная, и оловянная, и кастрюли, и котлы, и сковороды, и кружки, и кувшины, и блюда.

Но я не буду отвлекаться и говорить о посторонних предметах, как бы любопытны они ни были, а постараюсь кратко, в немногих словах изложить вам, что мне известно.

В середине апреля — и ближе к его началу, чем к середине, а числа я не помню, — мой супруг обратился ко мне с такими словами:

— Милая жена, завтра я ожидаю гостью, которая проживет у нас некоторое время, и прошу тебя позаботиться и приготовить ей комнату.

На это я ответила:

— Прошу вас сказать мне, что это за гостья, чтобы я знала, какая из комнат подойдет ей по ее званию. И будет ли это комната, где стены затянуты ковром с изображением дамы, сидящей под цветущим деревом и играющей с маленькой собачкой, или комната, где на занавесях вытканы виноградные лозы.

На это он ответил:

— Наша гостья по своему происхождению простая крестьянка, но послана сюда по велению самого дофина, по важному делу, и навещать ее будут уважаемые и ученые люди. Прилично будет приготовить для нее самую лучшую комнату.

Затем он сказал:

— И еще прошу тебя позаботиться о хорошем ужине на шесть или восемь человек, не считая нас с тобой.

— Не беспокойтесь, — ответила я. — Все будет сделано как должно.

Потом я послала служанок проветрить комнату дамы с собачкой, а сама спустилась на кухню и сказала моей кухарке Томазине:

— Завтра прибудет к нам гостья, простая крестьянка, но посланная самим дофином, и надо приготовить хороший ужин.

Томазина всплеснула руками и воскликнула:

— Ох, хозяйка, сидите вы дома и ничего не знаете!

— Конечно, — ответила я. — Я сижу дома, и дома у меня хватает дела, и за всем я сама слежу как должно. Чтобы крыша не протекала и печи не дымили. Чтобы в постелях не было блох, и избавиться от них есть шесть способов, но лучше всего застелить солому в постели чистой простыней, а когда черные блохи прыгнут на простыню, их легче увидеть и поймать на белом. И еще хорошо усеять комнату листьями ольхи, а когда блохи запутаются в них, собрать ветки и выбросить. И от мух тоже великое неудобство, но и здесь мне известно

шесть средств, а лучшее из них — это повесить над столом тряпку, смоченную в меду, чтобы они прилипли, и еще можно поставить в комнату миску с соком сырых луковиц, который их убивает. Но и других дел у меня немало. Должна и следить за одеждой, чтобы починить то, что порвано или износилось, и выводить пятна с шерсти и с шелка соком неспелых яблок. И я должна следить за служанками, чтобы они не торчали зря у окон первого этажа, выходящих на улицу. А то эта негодная Паке-рета постоянно переговаривается с подмастерьем портного. И я должна следить за тем, чтобы вечером свечи гасили дыханием или пальцем, а не подолом платья, отчего может быть пожар. Благодарение Богу, дела у меня дома достаточно.

Томазина выслушала меня, покачала головой и повторила:

— Ничего-то вы, хозяйка, не знаете.

— Чего же это я не знаю? — спросила я.

— Вот вы сидите дома, — сказала Томазина, — а я хожу на рынок. На мясной рынок и на молочный. И к пирожнику, и в винный погребок. И в лавки, где торгуют рыбой и солью. И в лавку, где продают пряности и приправы. И оттого я знаю все новости, где что случается. А вы ничего не знаете, что за гостя посетит нас.

— Бессовестная женщина! — крикнула я. — Сейчас же говори, что тебе известно.

— Я бы давно сказала, — ответила Томазина, — да вы мне не даете рот раскрыть, сами болтаете языком, как ветряная мельница крыльями, — хлоп-хляп, топ-тяп. Не могу же я перебивать вас — это будет непочтительно. А эта гостя — девушка Жанна из Домреми, и она послана нам по воле неба и голосами святой Катерины и святой Маргариты, чтобы спасти Францию от проклятых англичан и этих негодяев-бургиньонов. И уже по всей стране про это слыхали и только про нее и говорят. И некоторые даже считают, что она святая. Вот!

— Что за чепуха! Ходишь и подбираешь всякие сплетни и слухи, — говорю я и поскорей ухожу из кухни. Но, конечно, хотя нельзя верить всему, что болтают слуги, я все-таки волнуясь в ожидании завтрашней гостыи.

На другое утро я надеваю свое лучшее платье, очень дорогое, оно досталось мне еще от свекрови. Из брабантского сук-

на цвета корицы и по подолу и вороту отделано рытым бархатом. И я убираю волосы под головную повязку из самого тонкого полотна и располагаю ее красивыми складками так, чтобы они прикрыли мне лоб, и подбородок, и шею. Потому что я не такая, как некоторые дуры и неряхи, у которых волосы торчат из-под покрывала, и ворот рубашки вылезает из-под ворота платья, и все так измято, что противно смотреть. А, когда им укажешь на это, они отвечают, что так они заняты, и прилежны, и работащи, и скромны, что некогда им заботиться о своей внешности. Но все это ложь, и просто они лентяйки, и нет у них чувства собственного достоинства. Мое хозяйство не меньше их, а я никогда не забываю помыть руки и лицо, и причесаться, и надеть кольца на пальцы.

И тут я слышу конский топот под окном, и хотя мне очень хочется выглянуть, но я сдержала себя, потому что я не из тех, которые вечно торчат у окон, приплюснув нос к стеклу.

Я выхожу в залу и стою, сложив руки на поясе, в ожидании гостей.

Они вошли, и сперва мне показалось, что никакой девушки среди них нет. А впереди шел молодой человек в серых чулках и камзоле, а поверх камзола черный кафтанчик, и волосы у него были подстрижены по шею и голова не покрыта. Но, присмотревшись, я поняла, что это и есть девушка Жанна из Домреми.

Она подошла и протянула мне руки, и я сразу полюбила ее.

За ужином она ела умеренно и вежливо, изящно держала ложку и не клала локти на стол. Ей все понравилось — и утри в соусе, и черный кровавой пудинг, и говядина, тушенная с гвоздикой, перцем, имбирем, корицей и миндальными зернами. И бланманже, и тоненькие сладкие вафли, и варенье из моркови в меду.

После ужина я отвела ее в комнату дамы с собачкой и, собравшись с духом, спросила:



— Прошу вас извинить меня, я спрашиваю без намерения обидеть. Верно ли, что вы слышите голоса с неба?

Она ответила:

— Истинно, это так! И они повелели мне идти к дофину, чтобы он дал мне войска, и я освободила бы Орлеан, и короновала дофина в Реймсе, и изгнала англичан из нашей земли.

Я опять спросила:

— Прошу вас, если это не тайна, откройте мне: вы их только слышали или видели тоже? И какие они из себя?

На это она ответила:

— Милая дама, не могу вам ответить подробно, потому что это мне запрещено. Скажу только, что я видела их так ясно, как вижу ваше лицо.

Тогда, собравшись с духом, я снова спросила:

— Прошу вас, не взыщите за мой нескромный вопрос: почему вы ходите в мужской одежде?

И она ответила:

— Я понимаю, что это кажется вам странным. Но так мне следует делать, потому что я должна носить оружие и вооруженной служить моему дофину, и поэтому я принуждена соответственно одеваться. И также, когда я буду среди мужчин в мужской одежде, они не станут обращать на меня внима-



ние и я верней сохраню мою скромность и в мыслях и на деле.

Я поняла, что она права, и больше ни о чем не спрашивала.

Позже, когда я села чинить рубашку моего мужа, она присела на скамью подле меня и сказала:

— Милая дама, дайте и мне работу, чтобы я могла помочь вам. Не бойтесь, что я не сумею. Моя мать учила меня шить, и я думаю, что не найдется женщины в Пуатье, которая смогла бы научить меня лучше.

Я дала ей иглу и нитки, и, по правде сказать, ни разу не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь делал такие ровные и мелкие стежки.

От этого я полюбила ее еще больше и подумала: «Я хотела бы, чтобы она была моя родная сестричка».

На другое утро пришли ученые господа и мой супруг встретил их, а я направилась на кухню позаботиться об угощении. Но Томазины на кухне не было и служанок я тоже не могла найти.

Наконец я увидела их всех в проходе около комнаты дамы с собачкой.

Они теснились у щелки дверей, прикладывая к ней кто глаз, кто ухо.

Я возмутилась — подслушивать, подглядывать в порядочном доме!

Я шепотом сделала служанкам внушение, и они смущенно удалились. Но Томазина не двинулась с места.

Я шепотом приказала:

— Томазина, ступай на кухню.

Но она зашептала мне на ухо, отдавая меня жаром своего дыхания и запахом кушаний:

— Ничего-то вы, хозяйка, не знаете...

Я повторила:

— Томазина, сейчас же ступай на кухню!

Она нехотя ушла, и я осталась одна у закрытой двери.

Дверь была прикрыта неплотно, и я, хоть и боролась с собой, не сумела удержаться от искушения и тоже прильнула глазом к щелке.

Что же я увидела...

В креслах сидели полукругом духовные и светские ученые господа: и Сегэн, монах-доминиканец из Лимузина, и другой Сегэн, монах-францисканец, и Эймери — доминиканец, лектор теологии в нашем университете, и Ломбар, профессор юриспруденции, и многие другие, и многих из них я знала в лицо, но никогда еще они не бывали в нашем доме.

Я понимала, что мне приличней уйти, но любопытство приковало меня к месту, и я стала слушать.

Толстый Сегэн-лимузинец вел допрос, и смешно было слушать его неправильный южный говор, как он скрипел, и свистел, и шелкал, и так длинно растягивал свои «о».

Он расспрашивал Жанну про ее голоса:

— А на како-о-ом языке о-они го-о-оворят?

А Жанна отвечает:

— Да на более чистом, чем вы.

И Эймери-доминиканец говорит ей:

— Вы уверяете, что Бог хочет спасти Францию от гибели. Но если это так, то нет Ему необходимости в войске.

А она отвечает:

— Войска будут сражаться, а Бог пошлет победу.

И было удивительно слушать, как она откровенно и смело отвечает этим ученым господам, а сама, простая крестьянская девушка, грамотна не больше меня, «А» от «Б» не может отличить.

Я еще немного послушала, а потом вспомнила, как много дел не сделано по хозяйству, и тихо ушла.

Еще несколько дней прожила она в нашем доме, и каждый день ее допрашивали и даже послали гонца в Домреми, на ее родину: нет ли за ней каких-нибудь дурных поступков или речей? Но оттуда пришли самые благоприятные известия.

Наконец судьи признали, что ни в чем не могут ее обвинить, и постановили, что ей можно доверить войска и действует она от добра, а не от зла.

И она покинула наш дом и, счастливая, вернулась в Шинон.

А нам никогда не забыть ее доброты, и ласки, и тихой радости, и приветливой речи. О, милая Жанна!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГОВОРIT СТАРИК ИЗ ПУАТЬЕ



Я — старик из Пуатье. Я такой старый, что уже никто не помнит моего имени, но некоторые называют меня «старик, который видел счастье». А покороче просто: «Эй, Видел Счастье».

Это было очень давно, но я уже тогда был совсем старенький. В солнечный весенний денек я вышел погулять. Но не успел немного пройти, у меня заныли ноги.

Дай, думаю, пройду до угла улицы Сент-Этьен. Там есть невысокая каменная тумба. Дойду до нее, сяду и отдохну.

Добрался я до этого угла, вижу: перед домом Роз конюхи держат под уздцы оседланных коней.

Дай, думаю, постою немного. Может быть, я еще что-нибудь увижу.

Я стою, оперся на свой посох. Вижу, открываются двери в доме Роз и оттуда выходят господа в дорожной одежде. А впереди молодой человек вроде пажа, в сером камзоле и чулках и черном коротком кафтанчике, а голова непокрытая. И лицо у него такое счастливое, сияет, все золотое от солнца и счастья.

И я сразу понял, что это не паж, а девушка Жанна, которая спасет нашу страну.

Она ступила ногой на тумбу, вскочила в седло и ускакала, и все господа за ней.

А я стою, и сам я такой счастливый. Будто ее счастье коснулось меня мимоходом и оставило во мне свой след.

И этого счастья мне хватило на всю жизнь. За прошлое, и на будущее, и еще дольше.

ГОВОРИТ ОРУЖЕЙНИК ИЗ ТУРА



Я — Жан Розье, оружейник из Тура. Это у меня Жанна заказала свои доспехи.

К тому времени уже повсюду шла молва, что явилась девушка, которая спасет страну. И поэтому, когда она приехала из Шинона в наш город Тур, за ней по всем улицам катила следом толпа горожан.

Она пришла ко мне с одним своим спутником, и мне пришлось, впустив ее, запереть двери, чтобы любопытные не ввалились за ней в мастерскую.

Она сказала:

— Привет вам, мастер Розье. Вот мой оруженосец Жан д'Олон. Он лучше меня знает толк в доспехах и поможет мне в выборе.

Я осмотрел ее с ног до головы, вроде как бы мысленно снял с нее мерку, и увидел, что плечи у нее широкие и росту она для девушки высокого, но, конечно, ниже взрослого мужчины, так примерно с пажа. Я сказал:

— У меня большой выбор готовых нагрудников, и налокотников, и наколенников, и стальных перчаток, и башмаков,

и шлемов с забралом, и стальных шапок без забрала. Но все они будут вам велики и придется сделать на заказ. У меня трое подмастерьев, я отложу все дела и сделаю в кратчайший срок.

Она поблагодарила и стала с любопытством рассматривать мои изделия. И там были одни латы на миланский манер, очень нарядные, из вороненой стали с серебряными насечками. Я подумал, что она закажет подобные, потому что девушки любят украшения.

Но она сказала:

— Такие мне не годятся. Это латы парадные, для турнира, а мне нужны боевые латы, гладкие и прочные, чтобы выдержали удары врагов. Сделайте мне латы белые, гладкие, из толстых пластин.

— Для девушки будет, пожалуй, тяжеловато, — сказал я. — А утончать нельзя, чтобы не ослабить прочность. И не знаю, вынесете ли вы такую тяжесть.

— Женщины выносливей мужчин, — ответила она. — Я пришла сражаться за моего дофина, и надо мне быть хорошо вооруженной.

Жан д'Олон согласился с ней, и я понял, что ни в каких советах она не нуждается и очень хорошо знает, что ей нужно.

Еще она заказала мне щит — по голубому полю летящая голубка, и я спросил, какой она выберет меч.

Она ответила:

— Мне хочется меч из Фьербуа.

Я подумал, что она шутит, засмеялся и спросил:

— Который же вам хочется? Тот ли, которым некогда храбрый Дюгесклен одним ударом выгнал англичан из двухсот тридцати городов и местечек? Или тот, которым Роланд бился с сарацинами под Ронсевалем?

Она ответила:

— Не было у меня в мыслях коснуться одного из этих священных мечей, помещенных в часовню на вечную память и славу. А есть там безымянный меч, зарытый неглубоко в землю позади алтаря. Этот меч я попрошу вас привезти мне.

— Ох-ох-о! — воскликнул я. — Да кто же мне позволит рыться в часовне, да еще за алтарем, да еще уносить оттуда меч?

— Позволят, — сказала она. — Мой духовник, брат Пакерель, напишет письмо, а я подпишу его: «Жанна». Я умею подписывать свое имя. По письму позволят.

Я подумал, что действительно такая о ней идет молва, что, пожалуй, позволят. К тому же мне давно хотелось съездить в Фьербуа, посмотреть там на мечи, да все времени не было. Однако же откуда она могла знать, что там зарыто за алтарем? Я так и спросил ее.

— Мои голоса сказали мне, — ответила она.

Я про эти голоса уже слышал и не стал расспрашивать подробней, а в тот же день поехал в Фьербуа.

Когда я прибыл туда и показал письмо, меня провели в часовню, и действительно совсем неглубоко в земле я нашел этот меч, и никто не мог объяснить мне, кто ж когда закопал его. Все очень удивлялись и говорили, что это чудо. Но я так думаю, что гвоздь, на котором висел этот меч, от времени заржавел и переломился, а меч упал. Никто его в этом темном углу не заметил, и постепенно занесло его пылью и землей. Слой земли был совсем тонкий, едва прикрывал его.

Меч оказался никуда не годный, весь изъеденный ржавчиной. Я полировал его, пока он не заблестел, но предупредил Жанну, что металл поражен и меч непрочный — от удара может сломаться.

Она ответила, что нет у нее намерения ни убивать, ни ранить, но не бывает вооруженного рыцаря без меча. И меч будет висеть у нее на боку, а в руке она будет держать свое белое знамя. И я уже знал, что с ней не стоит спорить, и не стал настаивать.

Жители Фьербуа, восхищенные чудом, заказали мне для этого меча двое ножен. Одни из красного бархата для каждого дня, а другие из золотого сукна для праздников. И послали их в дар Жанне. А я, сомневаясь, как бы меч невзначай не сломался еще в пути, сделал ему в защиту третьи ножны, из крепкой кожи.

За мою работу мне заплатили доходом с трехсот акров доброй земли, цену десяти боевых коней.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОКТАБРЬ 1428 ГОДА — 17 ИЮЛЯ 1429 ГОДА



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОВОРИТ Уильям Эпльбай

Я — Уильям Эпльбай, главный бомбардир английского войска, идущего на Орлеан, и со мной мои бомбарды — бочоночки, толстые и короткие, настоящие красотки и послушные, как ягнята. Куда я их наведу, тотчас начнут плевать огнем и каменными ядрами — прямо огнедышащие драконы. Но я мало надеюсь, что придется мне пострелять в свое удовольствие. Эти арманьяки, как только увидят наше войско, наших рыцарей, закованных в сталь, наших знаменитых лучников и в руках у них луки, длинные, в человеческий рост, — как только увидят нас, душа у них шмыгнет в пятки и они тотчас откроют ворота и вынесут нам на блюде ключи от города: покорно-де просим пожаловать.

И вот мы идем на Орлеан.

Мы идем левым берегом реки, чтобы отрезать Орлеан от юга, откуда он может ждать помощи. Северная сторона и без того им опасна. Там наши гарнизоны в Божанси, и в Мэне, и в Жарго и длинный ряд наших крепостей до самого Парижа.

И вот мы подходим к Орлеану, и тут нас ждет непредвиденное.

Нам известно, что на левом берегу против самого моста есть предместье Портеро, где нам удобно будет расположиться. И вот так штука... Нет Портеро. Нигде нет. Ни тут, ни дальше по реке. Сами, не дожидаясь нас, разрушили его, сожгли, сровняли

с землей. Что же нам теперь, спать под открытым небом? Ну, погодите-ка, мы вам покажем.

И мало того. У входа на мост крепость Турель, а на самом мосту, между тринадцатой и семнадцатой арками, башня. А они укрепили вал и бойницы крепости и сняли каменный настил моста между крепостью и башней, а провал перекрыли досками, узкими мостками. А, так-то вы приготовились к нашей встрече. Ничего, встретимся!

Я выбираю позиции, с которых удобно простреливать город. Мои люди устанавливают там пушки и бомбарды, огромные, грозные чудовища, бронзовые драконы с отверстой пастью. Приходится расположить их на самом берегу реки. Почва здесь рыхлая, и окованные железом колеса до самых ступиц увязают в земле. Под них подкладывают бревна, приподнимают колеса рычагами — пиками и шестами. Подвозят телеги с ядрами и порохом.

В воскресенье утром из города доносится перезвон со всех колоколен. А, трусишки, небось все побежали по церквям, на коленях бьют лбом об пол, вымаливают у всех святых избавление от гибели?..

Вот вам погибель, и ничто вам не поможет. «Бах!» — стреляет первая бомбарда, и, будто непрерывные раскаты грома, вторая, и третья, и десятая.

Не хотите сдаться по доброй воле, так вот же вам — бах! — музыка погромче ваших колоколов.

Ядра летят в юго-восточную часть города от Шатле, у моста, и до крайней угловой башни, и каждый выстрел в эту густую кучу домов несет смерть.

Пусть рушатся крыши над вашими головами, дыбом встает мостовая, черепицы летят по воздуху, как осенние листья... Бегите, бегите во все стороны, спасайтесь, как муравьи из разрушенного муравейника! Еще не то будет...

Не будет вам муки для хлеба, будете жевать сырой овес, будете тощие, как тушка зайца, подвешенная за лапки в лавке мясника, будете голодные; как ни затягивай пояс, не удержать души в теле. И я обстреливаю и уничтожаю двенадцать их водяных мельниц на берегу реки.

А завтра мы возьмем крепость Турель иотрежем Орлеан от левого берега, от юга, от всякой помощи.

В серых сумерках рассвета, невидимые, мы подступаем к Турели и внезапно, по зову трубы, появляемся на верху вала и бросаемся в атаку.

Сверху опрокидывают нам на голову жаровни с кипящим маслом. Из ворот крепости кидаются нам навстречу ее разъяренные защитники. Мы бьемся лицом к лицу, пронзаем их пиками, разбиваем им головы боевыми дубинами, рубим их мечами. Четыре часа продолжается битва, но они превышают нас числом и мы отступаем.

Погодите, погодите! Смеется хорошо, кто смеется последним. Я — Уильям Эплбай, бомбардир, и мне хорошо известны сила и коварство пороха.

Два дня и две ночи напролет, сменяя друг друга для короткого отдыха, мои люди ведут подкоп под Турель. Подложив порох, мы поджигаем пропитанные смолой подпорки.

И Турель взлетает на воздух.

Когда дым и пыль рассеиваются, мы видим, что разрушены укрепления и бойницы, но часть крепости еще стоит в развалинах и деревянная башенка на самом верху чудом цела. А французы не в силах долее защищать крепость, отступают в город и на прощание взрывают три арки моста и сбрасывают в реку доски, прикрывающие прорыв.

Мы занимаем Турель, то, что осталось от нее, и поднимаем на башне наше знамя.

Теперь Орлеан отрезан от левого берега.

Наш военачальник, граф Салисбюри, поднимается на башню и сквозь узкую амбразуру смотрит на город. Отсюда его хорошо видно.

Это большой город: больше мили вдоль берега реки от восточной угловой башни до западной, а в ширину больше полумили от реки и до ворот у парижской дороги. Над высокой стеной остроконечные крыши и зубчатые верхушки башен.

И вдруг оттуда, из второй башни налево от моста, вырывается язык пламени, и каменное ядро перелетает через реку и попадает в эту узкую амбразуру, прямо в лицо Салисбюри.

Хотя я скорблю о его гибели, но все мы смертны, а на войне в особенности, и остался у нас капитан Уильям Гласдэл, отважный и искусный воин. Но следует отдать должное и врагу.

Что за искусство у этого французского пушкаря! Попасть по такой траектории в такую узкую щель — достойно восхищения. Как только мы возьмем Орлеан, я найду этого молодца и уговорю его поступить в мой отряд.

Мы укрепляем Турель, роем перед ней ров и отводим часть реки, чтобы наполнить его водой, а через ров сооружаем подъемный мост. Немного позади строим бастион и вокруг него частокол, а за ним крепкий форт Огюстен, на месте монастыря, который французы разрушили в ожидании нашего прихода. К западу от города ставим еще форт Сен-Жан, и оттуда можно проследить дорогу вниз по реке. И еще форт к северу — Париж, потому что он сторожит парижскую дорогу. Теперь мы окружили Орлеан и, раз не удалось взять его приступом, так возьмем осадой.

Между тем наступает зима, и земля промерзла насквозь, так что даже звенит, когда ступаешь. Часть нашего войска уходит на зимние квартиры в Жарго. А мы стучим зубами от холода, и только удается согреться в редких стычках с арманьяками.

В начале декабря приходит к нам подкрепление под командой Джона Тальбота, графа Шрюсбери.

Из всех наших полководцев он самый знаменитый — смел, и жесток, и хищен. Когда он возьмет город, он не оставит в нем камня на камне и так его очистит, что и дырявого башмака не найти среди развалин. Уж ему за шестьдесят, а нет такого пьяницы и богохульника, чтобы его переспорил или перепил, и ругается он так, что даже удивительно, как его гортань не сторит от жара этой брани.

Тальбот приводит с собой триста человек и свою артиллерию, и, конечно, все, что мы сделали, ему не нравится, и он упрекает нас в трусости и неумении. И в душераздирающей брани, перебирая, словно четки, имена всех святых, он поносит нас за то, что нету форта с восточной стороны города, — закрыть дорогу вверх по реке. Мы строим большой форт Сен-Лу, с четырьмя башнями по углам, и теперь кольцо замкнуто, и мы снова начинаем обстрел Орлеана. На самый Новый год мы сражаемся у Лисьих ворот в западной стене. И вдруг я вижу, что одно ядро, судя по траектории, летит прямо в меня, и отскочить я уже не успеваю.

И таким образом этот новый, 1429 год оказался для меня короче одного дня, и осада Орлеана для меня лично кончилась, и дальше я ничего не знаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОВОРИТ БАРНАБЭ С «ИРОНДЕЛИ»



Я — Барнабэ, хозяин лодки «Ирондель» — «Ласточки». Это хорошая, большая и крепкая грузовая лодка. Раньше я на ней зарабатывал неплохо, на жизнь хватало. У меня был домик в Портеро, и я кормил четырех гребцов. Осенью Портеро разрушили, пришлось мне переехать в Орлеан и жить здесь тесно и неудобно.

К тому же заработать нечего. Город окружен со всех сторон, и никакой груз не вывезешь, и грузов никаких нет.

Нету жизни на реке, и течет она пустынная, как, наверно, текла в те времена, когда на всей земле только и жили Адам с Евой.

И оттого, что нету привоза, а народу набилось в Орлеане как сельдей в бочке, наступила такая дороговизна, что невозможно поесть хлеба досыта. Та же селедка, одна маленькая селедка, стоит три или четыре серебряные монеты. За одну монету — три яйца. Кружка вина осенью была две медные монеты, а теперь четыре или даже шесть. А к мясу и не подступишься. Такой кусочек говядины, что и откусить нечего, а сразу прогло-

тишь и даже вкуса не почувствуешь, — в октябре ему была цена шесть медяков, а теперь две большие серебряные монеты. А откуда их взять, эти монеты — и медные, и серебряные?

И то-то мы все, хозяева лодок, обрадовались, когда мессир Жак Буше, главный казначей, позвал нас в свой прекрасный дом у Лисьих ворот и сказал:

— Друзья, нам послан из Блуа большой обоз с провиантом. Сейчас он находится в Шэнси и надо его оттуда доставить. Шэнси — небольшая деревня, в пяти милях к востоку от Орлеана, на правом берегу.

Мессир Жак говорит:

— Берегом не проедешь. Там форт Сен-Лу и англичане нас не пропустят. Надо провести провиант по реке. Сколько у вас есть лодок, все отправляйтесь в Шэнси, да поскорей.

— Мы бы рады, ваша милость, — отвечаем мы. — Да как река позволит. Ветер-то восточный. Против ветра и против течения нам не выгresti. И лодки погубим, и сами потонем ни за что.

— Переменится же ветер когда-нибудь, — говорит мессир Жак, — А вы будьте готовы.

И вот мы сидим в тростниках над рекой под Новой башней, крайней, восточной, и ждем, когда переменится ветер.

Бывают же реки спокойные, полноводные, круглый год судоходные. Наша Луара не такая. Уж такую причудницу поискать — переменчивая, как апрельский денек. Когда пройдут дожди или тают снега, столько в ней воды, такие волны на ней поднимаются, что могут с крышей покрыть дом. А через день, глядишь, куда делась вода? Одни тоненькие струйки играют между песчаных мелей.

Последнее время дождей было много, плыть бы да плыть, да проклятый восточный ветер мешает.

Сидим мы под Новой башней, сидим и ждем, когда ветер переменится. Сидим и со скуки переговариваемся. Блэз с Ма-Миньон говорит:

— Надо бы Жанне с войском идти из Блуа правым берегом. Через реку не переправляться, и давно бы здесь были.

— Да, — говорим мы. — Правым берегом не пройдешь. Там англичане и в Божанси и в Мэне. И в лесу к северу от горо-

да у них выставлены посты — не пропустить бы сюда обозы с едой.

Тут мы начинаем мечтать об еде, и некоторое время только об этом идет разговор — разные там супы и соусы, которые мы бы поели. Большим куском мягкого хлеба все миски вылизали бы дочиста.

Блэз опять начинает разговор:

— Я слышал, будто Жанна идет в Орлеан. И с ней войска четыре тысячи. И будто Жанна хотела идти правым берегом, а капитаны обманули ее: повели левым. Они меж собой советовались, испугались англичан, решили — левым берегом безопасней.

— Как же они посмели спорить с Жанной? — говорим мы и возмущаемся: — Трусые они. Четыре тысячи войско, а перед англичанами трусили. Да Жанна всех англичан расколотит. Сказано: девушка спасет Францию. И уже всем известно, что Жанна и есть эта девушка. Как она им приказала, своим капитанам, они бы должны подчиниться. Ей голоса с неба указывают путь.

— Эх, — говорю я, — приказала бы Жанна ветру перемениться. Надоело здесь сидеть.

И только я это сказал, вдруг кто-то кричит:

— Эй, ребята, гляди-ка! Тростники в другую сторону гнутся. Ветер переменялся, дует с запада.

Мы вскакиваем, спускаем лодки. Гребцы на веслах, попутный ветер надул паруса. Пять миль — недалекий путь. Вот и Шэнси. На берегу горами навалены и бочки, и мешки, и бычьи туши.

И тут мы видим Жанну.

Она верхом на коне, в белых доспехах, забрало у шлема поднято.

Про лодки забыли, про груз забыли, про бочки, мешки и бычьи туши. Бежим к ней, окружили ее, каждый старается хоть к ее стремени, к носку железного башмака прикоснуться, кричим:

— Привет тебе, Жанна!

Она улыбается нам, кричит:

— Привет вам, милые! Еще посмотрите на меня. А теперь поторопитесь — нас давно ждут в Орлеане. И так сколько времени потеряно.

Мы кричим:

— Жанна, садись в мою лодку! В мою садись, Жанна! На мешках тебе будет мягко сидеть. Вмиг довезем тебя в Орлеан.

А она нам кричит в ответ:

— Спасибо вам, мои милые. Вы плывите, а я подъеду к вечеру. Вечером на улицах меньше народу и не будет давки.

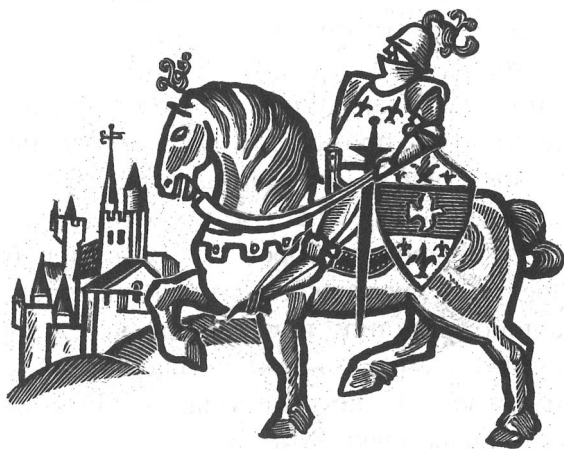
— Хоть вечером, хоть ночью, — отвечаем мы. — Когда ты вступишь в Орлеан, все жители высыпят из домов, выбегут полюбоваться на тебя.

Но мы не смеем с ней спорить и настаивать, потому что ей лучше знать, когда наступит ее время. И мы поскорее грузимся и плывем обратно.

Паруса спустили — нас несет течение, и ветер нам не помеха. Проплываем мимо Сен-Лу. На стене стоят англичане, смотрят на нас как дураки. Ничего они не могут поделать, не могут остановить нас. Из луков стрелять — ветер отнесет стрелы к востоку, а мы уже далеко отплыли. Узким рукавом реки мимо Бычьего острова, мимо острова Мартине. И вот мы у Новой башни. Нас увидели, и из Бургонских ворот выбегают люди помогать разгружаться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОВОРИТ ЖАН Д'ОЛОН



Я — Жан д'Олон, оруженосец Жанны. С тех пор как я впервые увидел Жанну в башне Кудрэ, в Шиноне, я при ней неотлучно.

Я был с ней в Шиноне, и в Пуатье, и в Туре, и теперь мы в Орлеане. Я слышал, как она разговаривала со всякими там знатными господами и учеными господами, и я вам вот что скажу.

Она хорошая девушка, правдивая, никогда не соврет, уж если что обещала — это она твердо исполнит. А что касается ума, то — что скрывать? — поумней она будет всех наших капитанов, не говоря уже про дофина.

И хотя она ровно вдвое меня моложе — шестого мая будет ей семнадцать лет и четыре месяца, а мне с осени пойдет тридцать пятый год, — так вот, хоть она еще так молода и ее родители простые землепашцы, а мой род небогатый, но дворянский, для меня великая честь служить ей. И большей чести еще никому не было.

В обращении она легкая — веселая и добрая.

Но иногда она внезапно замолчит и тогда лицо у нее странное и неподвижное. Я знаю, что это она прислушивается к своим голосам, ничего не замечая вокруг себя.

И хотя я стою рядом, я этих голосов не слышу. Я так думаю, это внутренние ее голоса. Не умею я это хорошо объяснить, но я думаю: это ее мысли такие сильные, что будто ударяют ее изнутри, так что она будто немеет и слепнет для всего окружающего.

Но, конечно, это я так думаю, и, может быть, я ошибаюсь, и лучше мне про это промолчать. И вам это не любопытно, а наверно, хочется знать, что Жанна делала в Орлеане.

Мы переправились через реку и приехали в Орлеан двадцать девятого апреля вечером, и город нас встретил, будто мы уже одержали победу, — так торжественно. Весь город освещен факелами, и колокола звонят, и все люди выбежали из всех домов и приветствуют нас, окружили нас густой толпой. Даже страшно ехать — как бы кого не задавить. Коню некуда копыта поставить — такая давка. Мы проезжаем весь город, от Бургонских ворот до Лисьих, и здесь останавливаемся в доме Жака Бушэ, казначея герцога Орлеанского.

Жанна беспокоится. Нам известно, что к англичанам идет на подмогу войско под началом Джона Фальстафа и надо бы закончить с осадой, пока их еще вокруг Орлеана не такое большое число: в Сен-Лу триста человек, в Турели побольше, но не слишком, и в других фортах тоже наберется одна-две сотни.

А тех четырех тысяч, которые нам обещал дофин, нет как нет, не очень-то торопятся. А ведь от того, к кому раньше придет подмога, возможно, зависит судьба города.

И все наши капитаны беспокоятся, и наутро граф Дюнуа, начальник гарнизона в Орлеане, со всем своим отрядом отправляется навстречу этим четырем тысячам, поторопить их.

Жанна провожает его за Лисьи ворота, сквозь поля и виноградники.

Мы возвращаемся домой, и Жанна, устав от тяжести доспехов, ложится на кровать. Я хочу уйти, чтобы она могла заснуть, но она удерживает меня и говорит:

— Не хочу я, чтобы пролилась французская кровь. От одной мысли волосы у меня встают дыбом.

— Как же так, Жанна? — говорю я. — Все уже приготовились сражаться, и даже горожане вооружились. Все они верят в тебя и в победу, а победы без битвы не бывает.

— А может быть, англичане сами уберутся подобру-поздорову? — спрашивает она и смотрит на меня так, будто ждет, что я сейчас соглашусь.

— Жанна, — говорю я, — ты устала и, прости меня, говоришь чепуху. С чего бы им вдруг уйти, когда они восемь месяцев осаждают город и сильнее нас? И еще к ним идет подкрепление из Парижа. Лучше закрой глаза и спи.

— Пошлем им письмо, — говорит Жанна. — Они получают письмо и уйдут. Позови мне брата Пакереля.

Брат Пакерель приходит, и она диктует ему: «Вы, стоящие под Орлеаном, доблестные воины и лучники, уходите в свою страну. Если не сделаете этого, берегитесь девушки Жанны, потому что вскорости понесете вы великие потери. А не поверите мне, так в каком месте я вас найду, там и надаю вам здоровых тумачков. Увидите тогда, на чьей стороне право».

Жанна посылает это письмо с герольдом по имени Гиенн. Но герольд не возвращается, и ответа на письмо нет, и мы не знаем, что и подумать. На следующий день Жанна шлет второго герольда с письмом, и в этом письме написано: «Уходите в вашу страну. А не уйдете, я устрою вам такой разгром, вовеки не забудете».

Этот герольд возвращается и говорит:

— Ответа на письмо нет. И они задержали Гиенна и грозят его сжечь.

Жанна бледнеет и говорит:

— Этого не может быть. Это дело небывалое и неслыханное. Герольд — особа неприкосновенная. Он не отвечает за свои вести, а лишь передает волю того, кто его послал. Поднять на него руку бесчестно.

Герольд отвечает:

— Они говорят, что его послала колдунья и он ее сообщник. Не гневайся, Жанна. Это их слова, не мои.

И Жанна говорит ему:

— Уходи.

Но на следующий день она пишет третье письмо: «Вы, англичане, нет у вас никакого права на французскую землю, и я приказываю вам покинуть наши крепости и замки и вернуться в свою страну. А если не послушаетесь, я вам устрою такой разгром, будете помнить до окончания века. Я вам пишу в третий, и последний, раз. Больше я писать не буду».

Это письмо она не может послать благопристойным и вежливым способом, как принято во всем мире, через герольда, потому что она боится за жизнь Гиенна и не хочет подвергать другого такой же участи. Она садится на коня и сама скачет на мост, до самого края пролома, где арки взорваны и дальше нет пути. И здесь она просит искусного лучника привязать письмо к стреле и послать его в Турель.

Лучник натягивает тетиву, спускает ее, и стрела с письмом перелетает через вал.

Проходит столько времени, сколько нужно, чтобы поднять и прочесть письмо, и на верхушке вала показывается сам Гласдэл, командующий английскими войсками под Орлеаном.

Он стоит подбоченившись, смотрит на Жанну и вдруг раздражается словами такими бесстыдными и грубыми, что слушать их и стерпеть невозможно.

Жанна закрывает лицо руками и горько плачет. И мы возвращаемся в город.

Теперь уже нет надежды на мирный исход.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОВОРИТ ЛУИ ДЕ КОНТ



Я — Луи де Конт, паж Жанны.

Моя дама не такая, как все другие дамы. Моя дама особенная.

Все пажи, которых я знаю, целый день тащат в руках шлейфы своих дам, бегут за ними следом, как комнатные собачонки. Моя дама не такая, никаких шлейфов не признает. Моя дама воительница, амазонка, вроде, как та древняя Пентесилея, которая сражалась под Троей с Ахиллом.

С такой дамой меня ждут странствия, и приключения, и битвы. Кто знает, может статься, я схвачусь в кровавом поединке с самим сэром Джоном Фальстафом, и он рубанет меня своим мечом, и на всю жизнь у меня останется на щеке почетный рубец, и про меня будут говорить: «Вон идет доблестный рыцарь де Конт!»

И раненный, истекающий кровью, я возьму его в плен, и он предложит мне за себя огромный выкуп — сто тысяч ливров золота. Но я гордо откажусь и воскликну: «Ступайте! Я отпускаю вас».

Что мне выкуп! Я жажду славы!

Но не могу же я сражаться в шелковой курточке. Мне нужны латы.

Вот я и говорю этому д'Олону, оруженосцу моей дамы:

— Где бы мне раздобыть латы?

А он отвечает:

— А на что тебе латы, скверный мальчишка?

Я меряю его взглядом с ног до головы и говорю:

— Я покорнейше просил бы вас не называть меня всякими именами. Мой род познатней вашего.

Он не обращает внимания на мой презрительный тон и повторяет:

— Что тебе вдруг понадобились латы?

Я говорю:

— Если вы понатужитесь и вам удастся пошевелить мозгами, то, может быть, вы сообразите, что паж обязан всюду следовать за своей дамой. И, когда мне случится сопровождать мою даму на поле битвы, я не хотел бы, чтобы вражеская стрела пронзила мою юную грудь.

Он отвечает:

— Этого не случится, — и уходит.

Ладно же! Вырос большая и здоровая дубина, так уж вообразил, что может разговаривать со мной, будто я младенец в пеленках.

Ладно! Следующий раз я ему расскажу про Давида и Голиафа. Может быть, он этого не знает...

В этот день моя дама легла отдохнуть после обеда и отпустила меня. Я недолго поболтался по дому, прислушиваясь ко всяким разговорам, но ничего любопытного не услышал и решил прогуляться по Орлеану. Мы тут всего четыре дня, и я еще не успел как следует рассмотреть город.

Выхожу я на главную улицу и вижу, едет большой отряд вооруженных всадников. Это бретонцы Жилия де Рэ, крепкие ребята, приятно на них смотреть. А за ними, как полагается, бегут мальчишки и вопят во всю глотку.

Я хватаю одного из них за шиворот и спрашиваю:

— Что тут происходит?

Он извивается как червяк, старается вырваться из моих рук и пищит:

— Разуй глаза, коли не ослеп. Не видишь, что ли? Это наше храброе войско едет за Бургонские ворота лупить англичан в Сен-Лу.

— Так бы ты сразу и сказал, — говорю я, отпускаю его и даю ему на прощание легонький подзатыльник.

Отряд проходит, и на улице становится пусто и тихо, и я вижу, что здесь мне нечего делать.

Я возвращаюсь домой и поднимаюсь в спальню моей дамы — узнать, не нужен ли я ей. Но она еще спит, и я покамест сажусь на подоконник и смотрю на улицу. Но там тихо и смотреть не на что.

И вдруг моя дама кричит страшным голосом:

— Французская кровь льется наземь!

Она вскакивает и кричит:

— Где мой конь? Наши люди бьются, и их убивают!

Она кричит мне:

— Ах, скверный мальчишка, почему ты не сказал мне, что наши люди сражаются?

Она кричит:

— Д'Олон! Д'Олон!

Он вбегает, и она приказывает ему вооружить ее. И не успел он еще застегнуть последнюю пряжку на ее белых латах, а она уже сбежала по лестнице вниз и кричит:

— Где мой конь?

Я бегу вслед за ней, а она уже на коне, и д'Олон рядом, и вдруг она говорит:

— Я забыла мое знамя.

Я бегу за ее белым знаменем и подаю его через окно, и она хватается его и скачет прочь, и д'Олон рядом с ней, а меня оставили дома.

Я кричу:

— Подождите! Подождите!

Но они уже ускакали.

Перед окном небольшой отряд солдат садится на коней. Я прыгаю в окно, на ходу обрываю завязки, на которых мой кошелек подвешен к поясу, подбегаю к одному из солдат, сую ему в руку кошелек, хватаюсь за луку седла, и мы мчимся вдогонку за моей дамой.



И уже за нами, кто бегом, кто верхом, орлеанские горожане, увидевшие белое знамя и спешно вооружившиеся.

Моя дама задержалась у ворот, пока спускают подъемный мост, и здесь мы нагоняем ее.

Навстречу нам двое людей тащат третьего на носилках.

— Эй! — кричит моя дама. — Что случилось с этим человеком?

— Он ранен под Сен-Лу, — отвечают они.

— Не могу я смотреть, как льется французская кровь! — восклицает она, и мы скачем дальше.

Навстречу нам беглецы, остатки отряда, разбитого под Сен-Лу. Моя дама, высоко подняв свое знамя, кричит:

— Вперед! Вперед! С нами победа!

И все эти беглецы, и многие из них раненые, поворачивают и снова бросаются в битву.

И вот мы на валу, и кто-то поджег частокол, и мы бьемся в густом дыму, а мне нечем биться — у меня нет меча, — и я только кричу не своим голосом сам не знаю что.

И под нашим натиском англичане отступают, и мы рубим их, и колотим их, и уничтожаем их. И вот уж их остался всего какой-то десяток, и они позорно бегут. И мы победили, и Сен-Лу наш.

Тут моя дама замечает меня и говорит:

— Ах, скверный мальчишка, что ты здесь делаешь? Ведь тебя могли ранить.

— Вот еще! — отвечаю я. — Да за широкой спиной моего солдата было мне безопасней, чем за крепостной стеной.

Она говорит:

— Чтобы это было в последний раз. А не послушаешься, велю тебя выпороть.

Но я думаю про себя: «Там видно будет!» — принимаю покорный вид и послушно следую за ней.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОВОРIT ЖАН ДЮРБРА



Я — Жан Дюрбра, гражданин города Орлеана. Я мясник. У меня дом в Овечьем тупике, лавка на рынке, и я поставляю мясо во все богатые дома. И оттого у меня повсюду приятели и знакомцы, и мне становится известно все, где что делается или говорится.

Вечером пятого мая, в день Вознесения, сижу я в большом кресле в своей комнате и вдруг слышу, кто-то царапается в дверь. Мне лень подняться, я думаю, что это какой-нибудь охотник тащит мне в потемках дичь, пойманную на чужой земле, и я кричу:

— Дерни за веревку, и задвижка сдвинется.

Дверь открывается, и там стоит Жакмэн, слуга господина советника Кузино. Он оглядывается во все стороны и возглашает громовым шепотом:

— Предательство!

Я не очень-то пугаюсь. Этот Жакмэн хороший человек, но известный враль, гораздый на выдумки, с ним не соскучишься. И я говорю:

— Э, приятель, разве такие слова вопят на пороге, чтобы вся улица слышала? Заходи, выпьем по кружечке.

Он закрывает дверь, садится на скамью, залпом выпивает вино, которое я ему налил, и, выпучив глаза, говорит гробовым голосом:

— Рыцари и графы порешили меж собой всех нас истребить до смерти.

— Да ну? Неужто всех? — спрашиваю я и все еще не верю и улыбаюсь.

— Всех горожан, способных носить оружие.

— Жакмэн, ты врешь, — говорю я. — Я сам не слишком люблю этих знатных господ. Толку от них немного, а пользы никакой.

— И они... — начинает Жакмэн.

Но я еще не высказал свою мысль до конца. У меня своя лавка и свой дом, и в своем доме я хозяин и не люблю, чтобы меня прерывали, и я говорю:

— Я помню, как граф Клермон со своими овернцами не пожелал защищать наш город и удрал со своим войском в Блуа. И многие другие капитаны покинули Орлеан, уводя свои отряды. По правде говоря, одни мы, горожане, несем всю тяжесть осады. Все они хвастуны и трусы, и враг чаще видит их в спину, а не в лицо. Но это одно дело, а истреблять нас — это уж совсем другое. Какая им в том выгода?

— Ты помнишь, — говорит Жакмэн. — А они тоже помнят. Они это помнят, как после каждого поражения горожане швыряли в них грязью и камнями и грозились стащить их с коней и избить палками. Они это не забыли. А теперь они решили отомстить нам и заодно задешево добыть себе славу.

— Жакмэн, — говорю я, — перестань загадывать загадки и расскажи толком. Потому что я начинаю думать, нет ли тут действительно какого-нибудь коварства.

— Есть коварство! — восклицает Жакмэн. — Есть коварство, и предательство, и злой умысел! Уж ты мне поверь, Жано, потому что я сам все слышал своими ушами.

Я теряю терпение и показываю ему кулак. У меня кулак большой и тяжелый. И Жакмэн поспешно начинает рассказывать.

— Сегодня после полудня они собрались у нас в доме — господа ла Гир и Ксентрай, у которых замки в Гаскони, и граф Дюнуа, начальник гарнизона, и старый господин Гокур, наш губернатор, и красавчик герцог Алансон, и господин де Рэ, которого вчера отлупили под Сен-Лу, и еще другие. И они стали совещаться. Они все в большой обиде, что Жанна взяла Сен-Лу без их помощи, с одними нашими горожанами, после того как бретонцы бежали от англичан. И теперь они порешили утереть нам носы, сами, без нас и без Жанны, взять сильный форт Огюстен. Лакомый кус, а подступиться боязно. Им страшно вато, что англичан там чересчур много и еще к ним пришло подкрепление. Не то войско, которое приведет Фальстаф, — то еще, говорят, не вышло из Парижа, — а другая подмога, и, говорят, сильная. И наши господа придумали военную хитрость. Одним концом палки по англичанам, а другим по нам.

— Ой, не тяни, — говорю я. — Что они придумали?

— А они придумали, что скажут нам, будто теперь, когда Сен-Лу пал и дорога на восток свободна, хорошо бы освободить и западную дорогу: взять крепость Сен-Жан-дэз-Оржерил.

— Это большая крепость, — говорю я. — Четыре башни по углам. И сильный гарнизон. И англичанам нетрудно прислать туда еще людей с левого берега, с Турели или Огюстена.

— Вот, вот, — говорит Жакмэн. — На это они и рассчитывают. Они хотят уговорить Жанну со всеми нами направиться с раннего утра под Сен-Жан, и они будто тоже присоединятся к нам. А на самом деле они подождут, пока англичане перебросят часть войска из Огюстена в Сен-Жан, и пока нас там будут убивать, они переправятся через реку и без большого труда возьмут Огюстен, и будет им, нашим знатым господам, и слава и победа.

— Этому не бывать! — говорю я, стукаю кулаком по столу, и дубовая столешница трескается. — Этому не бывать, — говорю я, — пусть мне не забивать скота и не торговать с прибылью, если мы попадемся в эту ловушку. Сами пойдем спозаранку, возьмем Огюстен, пока господа еще спать будут. Ты иди, а то как бы тебя не хватились, а я предупрежу цеховых мастеров, и они предупредят других горожан, чтобы все они, вооруженные, чуть свет собрались у Бургонских ворот.

И вот наутро мы все собираемся у Бургонских ворот, а стража не отпирает ворота и отказывается спустить мост — губернатор, старикашка Гокур, не велел, и всё тут.

Мы сперва с ними спорим и ругаемся, а затем идут в ход кулаки, и уже кое-кто обнажил меч. И тут является Гокур и приводит с собой еще солдат, и они отталкивают нас от ворот, и уже потасовка грозит перейти в побоище.

Я кричу:

— Бегите за Жанной! Скорее!

И вот она скачет на коне, как была, еще без доспехов — так она торопилась. Она подлетает к Гокуру, на всем скаку осаждает коня и кричит:

— Вы дурной человек! Хотите вы или нет, они выйдут из города и возьмут Огюстен, как взяли Сен-Лу.

И Гокур приказывает открыть ворота.

Наша Жанна кричит:

— Идите без страха! Я скоро буду с вами! — и возвращается, чтобы вооружиться.

А мы переходим по мосту через ров и идем к Новой башне, туда, где на берегу реки лежат лодки.

В полной тишине мы переправляемся на островок Мартине. Он зарос вязами, и листья уже распустились. Под их завесой англичанам не видать нас. Осторожно проскользнув узким протоком, мы высаживаемся на Полотняный остров. Здесь нас тоже не видно в густом ивняке. И теперь, уже ничем не скрытым и незащищенным, осталось нам пересечь рукав реки между Полотняным островом и левым берегом. Мы связываем лодки одну с другой, носом к корме, и перебегаем по этому временному мосту.

Но английские дозорные уже увидели нас с верхушки башни и трубят к оружию. На вал выходят английские стрелки. Они в красных кафтанах, у них луки выше человеческого роста, они стреляют без промаха, и никакое войско перед ними не устоит.

А у нас нет луков, и биться мы можем только врукопашную. Пока добежим, многие падут убитыми.

И Жанны еще нет, все еще нет, и мы без нее как стадо без пастуха.

Но так мы злы и на англичан, и на господ военных, наших защитников, оставивших нас без защиты, и на самих себя — зачем у нас сердце ёкает, хочет провалиться, — что, будь что будет, мы все как один, нагнув голову, стиснув зубы, кидаемся вперед. Английские стрелки перепрыгивают через частокол, бегом спускаются с вала, все разом останавливаются и осыпают нас градом стрел.

Но мы ведь не солдаты, мы мирные горожане — булочники, сапожники, мясники и портные. И когда мы видим, как наши соседи падают, пронзенные стрелой, и корчатся на пропитанной кровью траве — что ж, не приучены мы этому кровавому ремеслу, — и мы, как один, поворачиваемся и бежим.

Тут, поблизости от того места, где мы ступили на берег, развалины небольшой крепости. Мы прячемся в ней, чтобы передохнуть, собраться с духом и вновь броситься вперед. Но многие из нас не выдержали страха, убежали по мосту из лодок на Полотняный остров.

А англичане наступают.

Их лучники построились бороной. Как только передний ряд спустит свои стрелы, пока они вновь натягивают лук, второй ряд стреляет между их плеч. Оттого стрелы летят непрерывно. Огибая лучников с двух сторон, несутся верховые отрезать нас от моста.

В этом отчаянном положении остается нам только сражаться, если мы не хотим, чтобы свернули наши безгласные шеи, будто курам на заднем дворе.

Мы кидаемся вперед и отражаем их нашим натиском. Они отступают к валу и опять бросаются на нас, и мы сталкиваемся, и нас отбрасывают, и мы набрасываемся, и такая толчея, будто на Луаре в бурную погоду.

И я бьюсь, а сам думаю, что уж не быть мне живым, своими ногами отсюда не уйти. И я думаю: кому же достанется мое достояние, которое я многолетним трудом нажил? Я вдовый, и детей у меня нет, одна дальняя родня, а я с ними который год в ссоре.

Им все и достанется. Обрадуются. Остаться бы живу, в тот же час подберу бездомного сиротку — будет мне вместо сына.

Ни к чему эти мысли, и спасения не приходится ждать.

И внезапно — вот оно, спасение!

По мосту из лодок скачет белый конь. Белое знамя острием направлено на англичан. Жанна! Жанна! Спасение наше!

Она скачет по мосту, и с ней ла Гир, и Ксэнтрай, и тысяча их, гасконцев. Она кричит:

— Вперед, вперед!

И сердце у нас взыграло в груди, и храбрость прибавилась, и сила возвеличилась.

От яростного нашего наступления англичане бегут с поля, а мы за ними и взбегаем на вал Огюстена, и Жанна водружает на валу свое знамя.

К англичанам спешит подкрепление из Турели, и они снова отражают нас. Подлые твари, они раскидали под валом железные шипы — повредить нашу конницу, и Жанна, в пылу битвы соскочившая с коня, наступает ногой на пронзительное острие.

Но уже скачет к нам подмога — Дюнуа и де Рэ, и с ними их отряды. Мы второй раз берем вал, и Жанна, раненная, но будто неуязвимая, вторично водружает на нем свое знамя.

Тут начинается такое, что я ничего уже не вижу и не помню и только бью, бью тяжелыми моими кулаками по английским ненавистным головам, будто быков оглушаю на бойне. И ничего я не слышу в шуме и грохоте, только Жаннин зов:

— Вперед! Вперед!

И англичане бегут. Жалкие их остатки спасаются в Турели. Жанна, победоносная, вновь верхом на коне. Белое знамя высоко поднято. Она отдает приказ сжечь Огюстен, чтобы англичане никогда уже не могли вновь занять крепость.

Огюстен горит гигантским факелом — пламя вздымается к темному небу, отражается в реке. Я вдруг вижу, что уже настала ночь и я довольно потрудился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОВОРIT Уильям Гласдэл



Я — Уильям Гласдэл, командующий английскими войсками на левом берегу реки.

Вчера поздно вечером французы взяли Огюстен и подожгли его.

Огюстен горит всю ночь. Зарево освещает полнеба, и темная земля, и истоптанные битвой виноградники испещрены бесчисленными кострами.

Французы не вернулись на ночь в город, ждут утра.

Эту ночь я не сплю. Я обхожу Турель от вала и до верхушки башни. Турель построена крепко, и мы ее еще укрепили. Взять ее невозможно, потребуется не меньше трех месяцев осады.

У меня храбрые и опытные солдаты, и среди них многие знаменитые рубаки — Том Рейд, Дик Хаук, Том Джолли, Черный Гарри.

Я говорю Гарри:

— Почему солдаты не спят? Надо бы им отдохнуть перед завтрашним днем.

Он отвечает:

— Они боятся, что орлеанская колдунья наложила на них заклятье и все они погибнут. Они говорят, что на ней печать дьявола и оттого она неуязвима.

Я говорю:

— Пусть она покажется на полет стрелы — никакой дьявол ей не поможет.

Но он возражает:

— Колдуны не боятся железа — ни меча, ни стрелы. Их могут уничтожить только огонь и вода.

Мне самому не по себе, но я громко смеюсь и говорю:

— Не унывай, Гарри. Мы сожжем ее тело, а прах утопим в реке.

Черный Гарри еще мрачнеет и бормочет:

— Сперва надо ее поймать. А она зачарована.

Я приказываю дать солдатам вина, поднять их дух. Но эти забулдыги, эти пропойцы, не хотят пить. Они боятся, что колдунья силой волшебства отравила вино.

Светает, гаснут звезды, погасли костры в виноградниках. Огюстен догорел. Серые полосы дыма тянутся под рассветным небом. Все тихо.

Нет у меня привычного подъема перед битвой. Может быть, и я зачарован. И, чтобы разорвать эту проклятую тишину, гнетущую паутину молчания, я приказываю начать бомбардировку города. Каменные ядра летят через Луару, пособьют отвагу с колдуныных солдат.

Но уже трубят их трубы, и они идут на приступ. Они тащат лестницы, приставляют их к валу и лезут на нас. Мы сверху обливаем их кипящим маслом, закидываем камнями, рубим и колем.

То они прорываются через частокол, то мы снова отгоняем их через ров. Как молния маячит среди них колдунья в белых латах.

Я кричу:

— Кто попадет в нее, тому десять золотых монет.

Стрелы летят и не могут ее поразить.

Я кричу:

— Кто собьет колдунью, тому двадцать золотых монет и серебряный кубок в придачу.

Том Джолли выхватывает лук у одного из стрелков. Он натягивает тетиву, и наложенная на нее стрела долго движется вправо и влево за скачущей на коне колдуньей. И вот он спустил тетиву, и стрела летит и, проникнув в узкую щель меж пластинами лат, вонзается в грудь колдуньи, и она падает, и ее уносят.

— Победа! Победа! — кричим мы и бросаемся вперед.

Французы бегут, и мы преследуем их до самых развалин Огюстена.

Колдунья убита, дьявол не помог ей. Заклятие снято, и победный рев наших труб доносится за реку.

Уже французы повернулись спиной, готовы бежать, когда внезапно колдунья появляется вновь. Она верхом на коне, и нету стрелы в ее груди. Эта стрела была о четырех острых зазубринах, такую не вытащишь из тела. Дьявол, дьявол помог своей служанке, оживил мертвую.

Французы снова перед валом Турели.

Уже наступают сумерки, и в полумраке ярко белеет знамя колдуньи. Только что оно было в руках ее оруженосца. Сражаясь, он кому-то передал его. Знамя скрылось во рву, и за высоким валом его не видно. Колдунья прыгает в ров, хватая свое знамя, взбирается на вал и кричит, ее голос доносится до нас:

— Когда знамя коснется стены — все наше!

Поднимается ветер, качнул белое полотнище. Знамя касается стены.

Моими солдатами овладевает ужас. Мы бежим через доски настила над взорванным мостом и укрываемся в маленьком форте перед Турелью.

Ведьма кричит мне:

— Гласдэл, Гласдэл, сдавайся! Жаль мне тебя и твоих!

И вдруг мы видим плывущее по реке пламя.

Барка, наполненная деревом, хворостом, смолой, горит высоким костром. Она плывет по течению и останавливается под мостом, и огонь охватывает доски настила, охватывает нас огненным кольцом.

Мы горим! Горим! И мост под нами рушится, и мы падаем в реку, и тяжелые латы тянут нас ко дну.

Мои латы были самые тяжелые.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОВОРИТ ЖАК ЛЕ БАЛАФРЭ



Я — Жак, по прозвищу ле Балафрэ, что значит «человек со шрамом на лице». Заработал я этот шрам не в честном бою, а любимый мой друг полоснул меня поперек носа ножом, которым резал сыр. Было это по пьяному делу, нас растащили, и мы помирились.

Я солдат. А ушел я из деревни в солдаты, потому что мне деревенская жизнь не пришлась по вкусу. Что ж это такое? Трудисься, работаешь не разгибая спины, а придут проклятые англичане и все дочиста заберут. Нет, уж лучше быть волком, чем овцой.

Пятнадцать лет я служил под начальством многих капитанов, а уж лучше капитана Боскью ни одного не знал. Вот уже это был капитан из всех капитанов. Лев рыкающий! Мы при нем жили не тужили, плащи поверх лат были у нас шелковые и бархатные. За одну ночь проигрывали в кости все, что в кошеле звенело. Ничего не жалели, знали, что достанем.

Было это летом, годов двенадцать тому назад, когда Боскью взял город Компьен. Налетели мы ненароком, захватили бурги-

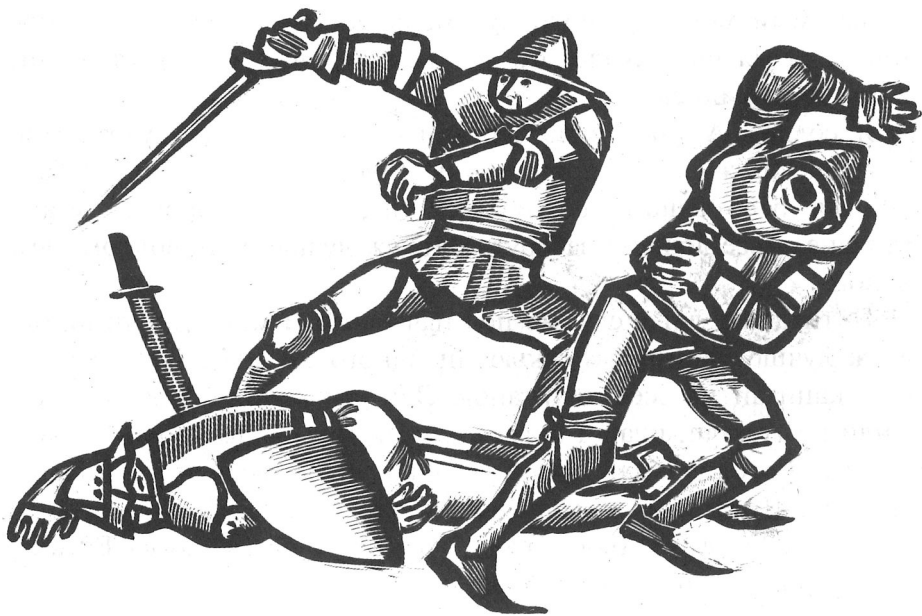
ньонов врасплох, и тут мы поприказывали. Все пригороды пожгли, подожгли полгорода. Такое адово пламя поднялось к небу — надо думать, в Париже это зарево было видно.

Жители выскакивали из горящих домов, тащили свое добро, что поценнее, а тут мы их хватали и кого убивали, а с кого требовали выкуп и дочиста их обобрали. Вот это была жизнь!

После англичане отбили Компьен обратно, но мы с ними вели переговоры. Если они выпустят гарнизон, мы сдадим им город без боя. Они согласились. Мы открыли им ворота, ушли нетронутые. А что уж там с горожанами дальше было, это не наше дело.

Конечно, за пятнадцать лет всякие бывали капитаны; при одних было лучше, при других хуже. Но так случилось, что нынешней весной мы с моим капитаном не поладили. Не нравился он мне. Я и сбежал из его полка и очутился как бы не при деле. А тут я услышал, что дофин собирает в Блуа большое войско идти бить англичан, которые осадили Орлеан. Я и подался в Блуа.

Я так и рассчитал, что с англичан ли, с орлеанцев ли какая ни на есть добыча будет. А я в то время сильно издержался, даже обносился весь — надо было подзаработать. Конечно, мог-



ло случиться, что меня там покалечат или убьют. Так уж такая наша служба. Но я об этом не очень задумывался.

У нас в Блуа ходили слухи, что командовать нашими войсками в Орлеане будет девушка Жанна. И будто она строгих нравов и требует, чтобы все было в порядке и никакого пьянства, никаких игр, ничего такого. Рассказывали, что она какую-то женщину из тех, которые всегда тащатся в обозе за войском — всякие там прачки, и кабатчицы, и плясуньи, — будто она такую женщину собственноручно побила ножами от меча и всех остальных женщин тоже прогнала. Мы этому только посмеялись. Спокон веков солдаты всегда пили и грабили. Не сможет какая-то девушка с нами справиться!

Были и другие слухи. Будто она может предсказывать. И будто она предсказала, что в пять дней снимет осаду с Орлеана и ни одного англичанина не останется перед городом. Это, конечно, пустой разговор. Не такие солдаты эти англичане, чтобы какая-то девушка могла их победить. Однако же этот слух нам понравился, и мы бодро пошли к Орлеану.

Вот прибыли мы в Орлеан, и Жанна выехала нам навстречу. И как взглянули мы на нее, так сразу разобрались, что она не какая-нибудь, а совсем особенная и подобной ей еще свет не видел. Лицо у нее было улыбочатое, но мы вдруг поняли, что с ней шутки плохи. Настоящий командир, не чета нашим разбойникам-капитанам.

Самому мне это странно, но как увидел я ее, в ее белых блестящих доспехах, так почувствовал я себя, будто сходил в баню и цирюльник подстриг мне мои космы и будто на мне надето все чистое и новое — совсем будто я другой человек стал. И я хотел выругаться, а язык не поворачивается. Ну будто околдовали меня.

Было это четвертого мая. А шестого она взяла крепость Огюстен, а седьмого взяла Турель и освободила Орлеан. Все выполнилось по ее предсказанию.

Во время этих боев она еще больше поразила меня, и я предался ей всей душой, потому что подобной храбрости я до того ни разу не встречал. Впереди всех бросалась она в самое пекло, не жалея сил. И, раненная, не удалялась с поля битвы, а вела нас за собой:

— Вперед! Вперед!

На другое утро, восьмого, в воскресенье, англичане покинули остальные форты и бежали. А мы еще не остыли после наших побед и рвались их преследовать. Но Жанна нам запретила это.

— Смотрите, — крикнула она, — лицом они повернуты к вам или спиной? Пусть уходят, не убивайте их. Но если они захотят напасть на нас, защищайтесь смело и ничего не бойтесь, потому что вы победите!

После этого Жанна уехала к дофину, который был тогда в своем замке Лох, и целый месяц мы ее не видели. Мы это не могли понять, потому что англичане еще сидели во многих сильных крепостях и городах по Луаре — и в Жарго, и в Мэнэ, и в Божанси, — ничего не стоило им опять осадить Орлеан, а Жанны ведь с нами не было, и они вполне могли победить нас.

Кто-то слышал, будто эта задержка случилась оттого, что придворные господа завидовали Жанне, что стала она чересчур могущественна и народ поклоняется ей, будто святой. Они стали отговаривать дофина, чтобы он ее не слушался: уже она свое сделала, освободила Орлеан, больше она уже не нужна. А она пришла прямо в их криводумный совет и смело сказала, что нет, мои милые, не все еще сделано, а надо еще освободить всю реку Луару, вверх и вниз по течению, чтобы англичанами и не пахло. И надо повести дофина в Реймс и там короновать его. И дофин наконец согласился и не стал ее задерживать. Жанна вернулась в Орлеан, сказала:

— Сколько времени зря потеряно! — и, не мешкая, повела нас на Жарго.

А это была сильная крепость, и нашим капитанам не очень хотелось туда идти. Они уж раньше пытались ее брать, да их отбили, и теперь они боялись, что Жарго выстоит и его стены не падут. И они всячески оттягивали и говорили:

— Еще не время.

Но Жанна ответила:

— Теперь или никогда.

И она так ответила, потому что было известно, что Фальстаф, известный полководец, идет с подмогой и везет с собой

много пушек. Не сегодня-завтра прибудет, и тогда уж англичане станут нас много сильнее.

Мы, солдаты, шли за Жанной доверчиво. Мы-то знали: где Жанна — там победа.

Ведь вот удивительно! По тому, как она умела все наперед рассчитать — и когда выступить в поход, когда идти в атаку, и время, и место, — можно бы подумать, что она всю жизнь только и делала, что воевала. И откуда у ней был этот опыт, невозможно понять, — у такой молоденькой, у простой деревенской девушки. Видно, такую ее мать родила — необыкновенную!

Мы подступили к Жарго и тотчас атаковали его. Англичане было отбили нас, но Жанна крикнула нам:

— Смелей!

И к ночи мы взяли пригород.

Наутро, как рассвело и увидели мы высоко над нашими головами неприступные стены крепости, стало нам страшно. И все Жаннины капитаны стали говорить, что это нам не под силу и надо бы погодить. Но Жанна не стала терять время уговаривать их, а схватила свое знамя и крикнула нам, солдатам:

— Не бойтесь их числа! Милые друзья, вперед! Время нам благоприятно. В этот час мы победим!

Мы привезли с собой из Орлеана большую пушку, и Жанна сама выбрала, где ее установить, и велела выпалить из нее. Пушка грохнула, будто небесный гром. А за ней еще громче обрушилась огромная башня, и образовалась брешь. Но такая узкая и так высоко заваленная камнями, что пройти в нее казалось невыносимо. И больше одного человека не протиснуться, и обломки под ногами неустойчивы, пока вскарабкаешься вверх, всех нас укокошат. Уперлись мы, будто овцы, не решаемся двинуться с места.

Тогда Жанна сама ринулась вперед, и уже нога ее была на ступеньке лестницы, когда брошенный сверху камень ударил ее по шлему и она упала. Но тотчас поднялась с криком:

— Вперед! Вперед!

Мы бросились за ней, и крепость была взята, и англичане бежали, а мы преследовали их до самого моста и всех прикончили.

Жарго пал, верховье реки было освобождено, и Жанна, немешкая, направилась к Мэнэ, приступом взяла укрепленный мост, переправилась через реку и бомбардировала Божанси. В ту же ночь Божанси сдался. Жанна вернулась к Мэнэ, а когда вошла в него, ни одного англичанина там не оказалось — все бежали.

Меня уже при этом не было. На мосту Божанси ранили меня в ногу. Во время блистательной нашей победы я лежал в гостинице и костоправ хлопотал над моей ногой.

Жанну я больше никогда не увидел. Моя рана не хотела заживать, и пришлось отнять ногу. А что за солдат на деревяшке? Но я об этом не жалею. Я женился на вдове, на хозяйке гостиницы. Она хорошая женщина, веселая и добрая, и все удивляется, что я никогда не ругаюсь. Не могу ругаться. Иной раз хочется, а язык не поворачивается.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГОВОРИТ СЭР ДЖОН ФАЛЬСТАФ



Я — сэр Джон Фальстаф и не вижу нужды объяснять вам, кто я. Мое имя всем известно, по всей земле. Так что, если живут на Луне какие-нибудь лунатики, так и те — чума на всю их родню! — про меня слышали.

Был я уважаем и знаменит. Был я рыцарь ордена Подвязки. При одном слухе о моем приближении вражеские воины дрожали, и дергались, и корчились, будто разом схватили их желудочные колики и жестокая лихорадка. Сам покойный король Генрих V считал за честь и удовольствие прокутить в моем обществе всю ночь напролет.

А теперь увы! Фортуна повернулась ко мне своим неряшливым задом, и только и слышно, что я-де мешок с салом, и ворюшка, и трус.

Это как посмотреть!

Конечно, я не мальчишка, у которого от безнадежной любви лицо тощее, как пустой кошелек, а живот плоский, будто гладильная доска. Годы придали мне некоторую округлость. Но если поискать, так, возможно, найдутся люди потолще меня.

Что касается воровства, то прежде надо спросить: «Что такое воровство?» По карманам я не лазил — очень надо! А что, бывало, сдастся нам какой-нибудь городишка, так после меня хоть мусорщиков посылай, ничего не найдут, что стоило бы им сунуть в свой мешок. Так, по-вашему, это, может быть, называется воровство и грабеж, а по-моему, это военная добыча.

Но обвинять меня в трусости?.. Меня? Сэра Джона Фальстафа, рыцаря ордена Подвязки? Да я всех храбрей и отважней! Да в сравнении со мной Александр Македонский — дворовый щенок! Да рядом со мной Юлий Цезарь — старая яблочная торговка! Да напади на меня все рыцари древности, я одним взмахом моего меча сделаю из них рубленую котлету.

Но теперь любой уличный мальчишка — чума на всю его родню! — завидев меня, свистит и улюлюкает и тычет в мой живот своим грязным пальцем. А виной всему французская колдунья, служанка сатаны — Жанна, именующая себя Девой.

А если разобраться по совести и чести, то все это дьявольское наваждение и никакой моей вины нету.

Посудите сами!

Я вышел из Парижа с большим войском, и многими пушками, и богатым обозом на подмогу гарнизонам в Жарго и Божанси. По дороге я присоединился к войскам великого Тальбота и в его лагере вдруг узнаю, что Жарго уже пал. Никакими человеческими силами невозможно было взять эту неприступную крепость. Не иначе как это дело сатаны. Я добрый христианин, людей не боюсь, но перед нечистой силой отступаю.

— Дальше, — я говорю, — я не пойду, хоть насадите меня на вертел и поджарьте на ужин! Навстречу сатане я и шагу не ступлю, провались я на этом месте.

И все мои солдаты, храбрые воины и добрые христиане, тоже опасаются колдуньи и ее заклинаний; как бы не погубить им свои души, уж не говоря о бренном теле.

Но Тальбот — седина в бороду, а бес в ребро, отчаянный голворез — говорит:

— Клянусь святым Георгием, я атакую ее!

Тальбот знатнее меня, и неприлично мне возражать ему. Поэтому я предлагаю:

— Зачем же сразу бросаться в битву? Не лучше ли будет, по древнему обычаю, чтобы три наших рыцаря вызвали на поединок трех французов, и пусть победа решит исход сражения.

Тальбот соглашается со мной и посылает герольда в лагерь колдуньи.

Ее лагерь на невысоком холме, который возвышается над равниной, а наше войско расположилось поблизости, но хорошо скрыто рощами и лесочками, которых на этой равнине очень много.

Мы ждем нашего герольда, и он возвращается и приносит ответ колдуньи: «Уже вечер. Ложитесь и отдыхайте. Завтра встретимся лицом к лицу».

И, повернувшись к своему войску, эта чертова служанка говорит:

— У вас шпоры острые?

— А зачем? — спрашивают они. — Бежать?

— Нет, — говорит. — Преследовать.

Мы оскорблены и возмущены этими наглыми словами. Но, узнав от герольда, что там у них силы очень велики, мы под утро слегка отступаем к парижской дороге, где наша позиция будет выгодней и возможно ждать подкрепление.

А колдунья вслед за нами тоже движется к северу.

Местность эта, провалиться бы ей, какая-то слепая, ничего не видать. Вся в каких-то зарослях кустарника, и небольших лесочках, и высоких изгородях. Нас не видно, и мы никого не видим. Так добираемся мы до места, где налево должен быть городишко Патэ, но мы его тоже не видим. Прямо какое-то наваждение.

Мы движемся в таком порядке — впереди конница под начальством рыцаря в белых латах. За ним пушки, и обоз, и новобранцы-бургиньоны, и тут же мой отряд. Я сам выбрал это место, заботясь о безопасности моих солдат. А в арьергарде, так что придется им первыми встретиться с врагом, если он нападет на нас, все лучшие наши солдаты — все англичане.

Но где этот враг, понять невозможно. Будто завязали нам глаза и ловим мы друг друга вслепую. Только кустарник шуршит и верхушки деревьев качаются от ветра. Где-то враг? А где-то близко.

Тальбот отбирает самых лучших из наших непобедимых лучников и располагает их за высокой и густой зарослью. Если враг покажется, они встретят его своими меткими стрелами.

Сейчас, когда я вспоминаю, что произошло, я вижу, что победа у нас была, можно сказать, в кармане. Все было предусмотрено согласно военной науке. Лучники обстреливают врага, он бежит, конница его преследует.

Но то, что случилось на самом деле, можно объяснить только дьявольским наваждением и адским колдовством.

Вдруг из лесочка выскакивает олень!

При виде этого прекрасного оленя с такими ветвистыми рогами наши лучники — а каждый настоящий англичанин не может не быть охотником, — наши лучники в один голос вопят: — Вью! Хэллоу! — и тем обнаруживают себя.

В одно мгновение французы, развернувшись, обрушиваются на этих несчастных и рубят их в мелкие кусочки.

Я, как сказано, был неподалеку, и все мои всадники вокруг меня, а пехота сзади. И когда наши кони — чума на всю их родню! — услышали впереди шум и лязг оружия, то они пустились галопом. Как я ни натягивал поводья, я не мог сдержать моего проклятого коня и под конец, бросив поводья, ухватился обеими руками за его шею, чтобы не свалиться и не растоптали бы меня. И единственная надежда на мое спасение была, что между нами и французами находился отряд рыцаря в белых доспехах и, пока они будут драться, мы уже будем далеко.

Но этот дурак в белых доспехах, увидев поднятую нами тучу пыли, решил, что это неприятель, и в одно мгновение его всадники рассеялись во все стороны, исчезли так быстро, будто их никогда здесь и не было. А мы очутились одни в поле, и все французское войско прямо перед нашим носом.

Надо было быть вовсе сумасшедшим, чтобы принять сражение — нас было не так уж много, а их целое войско. Но мы не растерялись, тотчас сообразили, как нам лучше поступить, повернули коней, прищепорили их и ускакали прочь.

А колдуньины войска, увидев такой переполох и полное замешательство, обрушились на нас, выставив вперед свои длинные копья, и уничтожили нашу пехоту, и захватили наши пушки, и самого Тальбота взяли в плен.

Я добрался до Парижа, и пришлось мне явиться к герцогу Бедфорду, доложить, что вся наша армия уничтожена. И герцог, хоть он и дядя короля, и его наместник во Франции, стал ругаться, будто пьяный сапожник, у которого украли последнюю бутылочку. И уж такой отборной брани ни разу не приходилось мне еще слышать.

Он велел сорвать с меня орден Подвязки, доблестно мной заслуженный, и всячески поносил меня, и обозвал мешком сала, и презренным трусом, и еще разными ужасными словами, такими, что приличие не разрешает мне повторить их. И сколько я ни пытался объяснить, что всему виной колдуньины заклинания, которыми она вызвала этого оленя с такими ветвистыми рогами, герцог и слушать не стал, а собственной ногой дал мне пинка в зад.

И теперь я посмешище для всей земли, и если есть на Луне лунатики, так и те надо мной издеваются: «Сэр Джон Фальстаф! Толстопузый трусишка!»

Чума на всю их родню!

А колдунья небось тоже хихикает теперь, когда она беспрепятственно ведет дофина в Реймс, короновать его королем Франции.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОВОРIT ИЗАБО



Я — Изабо, мать Жанны.

Ушла моя девочка по дороге в Вокулёр, ушла в красном платье, которое ушили ее прилежные ручки. Вот она ушла, и мне ее больше не увидеть.

Со всех сторон доходят ко мне вести о ней. Как освободила она Орлеан и Жарго, Божанси и Труа. Как люди повсюду сбегаются толпами и поклоняются ей. И знатные дамы принимают ее в своих замках и дворцах и счастливы ей прислуживать. И она уже не в красном крестьянском платье, она в рыцарских белых латах. Тяжелые латы намяли ей плечи, шлем давит на ее милую голову. Ах, Жаннета, бедная моя девочка.

На улице женщины подходят ко мне и говорят:

— Благословенная ты, что ты мать Жанны.

А я плачу все ночи напролет, потому что я благословенная, потому что я не такая, как простые матери, идущие, опираясь на руку своих дочерей. Ох, разрежьте мне грудь, вырвите мое сердце, чтобы я перестала плакать!

Сейчас Жаннета в Реймсе, коронуется дофина. Мой старик и два моих сына отправились в Реймс, а меня не взяли, говорят:

— Эта дорога трудна для женщины.

Мне не трудно. Я бы всю дорогу проползла на коленях — хоть издали, в толпе на площади перед собором, взглянуть бы на мою дочку. Но меня не взяли.

И вот мой старик возвращается в Домреми, и смеется во весь свой беззубый рот, и говорит мне:

— Привет тебе, благородная дама.

Я говорю:

— Что ты, спятил, какая я благородная?

Он смеется, шлепает меня по спине.

— Благородная дворянка, — говорит. — И я дворянин, и наши сыновья дворянчики, и герб у нас — меч, и корона, и две королевские лилии по бокам. Сошьешь себе новую юбку, надо будет на ней герб вышить.

— Не надо мне новой юбки, — говорю я.

— И прозвище нам теперь — господа де Лис, господа королевской лилии. По королевскому повелению за Жаннетины заслуги весь наш род награжден дворянством.

— Не сумею я быть дворянкой, — сердито говорю я. — Не приучена сидеть сложа ручки. Чему ты радуешься, дурачина? Доволен, что променял дочку на герб с лилией?

— Это еще не все, — говорит он и хохочет, до того рад. — Король спросил Жаннету, чего ей хочется. А она ему отвечает: «Ладно, милый король, раз уж вы такой добрый, прикажите, чтобы с моей деревни, обнищавшей и разоренной войнами, не брали бы налогов». И король не сумел ей отказать и освободил Домреми от всех налогов на веки вечные.

Это хорошо. Это, конечно, хорошо. Теперь хоть поедят досыта.

Я сажусь на скамью, складываю руки и прошу:

— Расскажи мне, что ты видел?

И мой старик рассказывает, что Реймс — большой город и весь разукрашенный. Дома высокие, в два и в три этажа, и из всех окон вывешены ковры и гирлянды, будто по цветнику гуляешь. А поселили его там в гостинице на Соборной площади; называется гостиница «Полосатый осел». И такая она

большая — всё ходы и переходы. Выйдешь из комнаты — заблудишься, обратно дорогу, не спросившись, не найдешь. И кормили его досыта и сверх того. И все за счет города, ни медной монетки своей не потрачено.

А Реймский собор так высок, упирается двумя башнями в самое небо, и по всем карнизам, и по всем колоннам, и по всем дверным проемам тысячи и тысячи каменных статуй: и короли, и королевы, и все святые, сколько их только ни есть. А внутри собора, как ни закидывай голову, не видать потолка. Плавает там кадильный дым, будто облака по небу.

Ни к чему мне ни город, ни кадильный дым. Я хочу про другое слушать. И старик говорит:

— А король весь в пурпуре и в горностае, и в руке у него скипетр и держава, и архиепископ надел ему корону на голову. А Жаннета стоит рядом с королем и держит в руке свое знамя. А всякие там герцоги, и князья, и епископы — все ниже ее сидят на табуретках. А когда вышли из собора, там, на площади, их приветствует весь народ и им подают пятьсот коней. Король садится на коня, и Жаннета едет с ним рядом. А все герцоги и князья — все едут сзади.

Больше он ничего не умеет рассказать. Не сказал ни словечка, какое у нее лицо было. Не похудела ли, не побледнела ли. Какова стала из себя...

Я встаю и говорю:

— Ты, верно, устал с дороги?

Я приношу таз с теплой водой, смываю ему с ног дорожную пыль, подаю ужин. Он ест и ложится спать.

Я стою посреди комнаты.

О, Жаннета, девочка моя! Идущая впереди герцогов, рядом с королем. Почему не идешь ты со мной рядом?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АВГУСТ 1429 ГОДА —
30 МАЯ 1431 ГОДА



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОВОРИТ ЛА ТРЕМУЙ

Я — ла Тремуй, королевский канцлер, первый советник и любимый друг короля.

Как нежная мать заботливо руководит нетвердыми шагами младенца, так я веду короля, поддерживая и утешая его.

Я повторяю ему:

— Терпение, терпение! Еще недолго ждать, и вы будете в Париже. Не война, но мир. Не силой оружия, а мудрыми переговорами достигнем мы цели.

Он слушал меня, открыв свой безвольный рот, впивая мои слова, как сладостный напиток.

Но теперь все изменилось...

Недавно придворные шуты показали нам забавную игру. В залу вкатили большой, выше человеческого роста мяч, и один из шутов, ухватившись за него руками и ногами, старался взобраться вверх. Мяч катился и в своем движении возносил шута на самую верхушку. Извиваясь всем телом, шут цеплялся за мяч, пытаясь удержаться в вышине. Но поворот мяча — и шут скользит вниз, больно и нелепо падает. Мяч катится дальше, и уж другой на его вершине, а этот лежит распластанный, как лягушка, через которую переехало колесо телеги.

Мы все очень смеялись, но я подумал: не подобен ли я такому шуту?..

Меня выводит из себя эта выскочка, неожиданно явившаяся из своей глухой деревни, где она пасла овец, а теперь хочет пастить всю страну. Своевольно врывается она в государственный совет и, не слушая мудрейших и опытнейших сановников, настойчиво требует, чтобы поступали по ее желанию, и добивается своего, нарушая тем тонко задуманные и искусно подготовленные договоры и переговоры.

Она больше властелин, чем сам король, и народ боготворит ее. Она делает меня посмешищем, и когда я говорю: «Нельзя освободить Орлеан», она освобождает его.

Я говорю:

— Путь на Реймс невозможен. По дороге неприступные крепости англичан.

Она берет эти крепости и коронует короля.

Сегодня я спросил ее:

— Жанна, ты не боишься, что счастье тебе изменит?

Она ответила:

— Я ничего не боюсь, кроме предательства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОВОРИТ ГИ КРОКАСЕК



Я — Ги Крокасек, Грызи Всухомятку, парижский гражданин, холодный сапожник с угла, что напротив ворот святого Гонория. Я новых сапог не тачаю, латаю старые: набойки набить, заплатки наложить. Вот кожи лоскут, уж такой-то крепкий, годится на подметки, а не то суп сварить.

Это я шучу, еще мы подметки не жуем, а может статься, придет это время.

Что ни день, я ковыряю шилом новую дыру в поясе. Приходится пояс потуже затягивать.

Голодно у нас в Париже. Конечно, господам хватает, каждый вечер в Лувре горят факелы, англичане пируют. Но нам, кто попроще, — нам голодно.

Бывало, как откроют с утра ворота, теснятся тележки огородников, везут овощи на рынок. А теперь вокруг Парижа, сколько ни иди, земля серая, сухая, заросла сорняками, конями истоптана. И кому же охота сажать огород — неизвестно, будет ли урожай и кто его соберет.

Бывало, на улице глаз радуется! Тут жирная свинка валяется в грязи мостовой, чешет бока о ступеньки домов. Там гусак ведет гулять госпожу гусыню с гусенятами. Вдруг завидит мальчишку, растопырит крылья, длинную шею вытянул, шипит, норовит ущипнуть мальчишку за босую ногу. Эх, где-то те свинки и гусяки?

Замечтался я, а ко мне идет заказчик.

Он садится на пороге моей хибары, снимает башмак с правой ноги и подает мне. Подошва отстала от верха, раззявилась, будто голодный рот.

Заказчик сидит, перекинул разутую ногу через обутую, шевелит босыми пальцами, молчит.

И я молчу, зажал башмак меж колен, набрал полный рот гвоздей. По гвоздику выплевываю на ладонь, наставлю гвоздик, молоточком, пристукиваю: тук-тук...

Жарко.

Лето идет к концу, август месяц на исходе, а солнышко припекает.

Заказчик зевает и говорит:

— Ты про Деву слышал? Говорят, она теперь пойдет на Париж.



Я молчу. Откроешь рот, еще гвоздем подавишься.

Он говорит:

— Как она освободила Орлеан, повела дофина в Реймс, ей все города открывали ворота, выносили ключи на блюде. Говорят, и мы то же сделаем.

Подходит второй заказчик, несет рваный башмак под мышкой. Он прислоняется к дверному проему, ждет, когда я свою работу кончу, говорит:

— Ходят слухи, Дева идет на Париж. Придет, сожжет город, нас всех перебьет, а что останется, ее солдаты разграбят.

Тот, на одну ногу босой, говорит:

— Это все пустые враки. Никого она не жгла и не убивала. Города ей подобру сдавались, и теперь в них всякой еды вдоволь.

Обутый сжимает кулаки, кричит:

— Ах ты, проклятый арманьяк, ты чего заступаешься за Деву? Вот я тебе голову оторву!

Босой на одну ногу пугается — в одном башмаке от двух башмаков не удерешь. Он торопливо говорит:

— Да что ты! Я бургиньон, и родители мои бургиньоны, и жена каждый день молится за здоровье нашего герцога Филиппа Бургундского.

Я бросаю ему починенный башмак. Он поскорей обувается, расплачивается и уходит.

Так каждый день от зари до сумерек, пока солнышко светит, люди несут мне свою рваную обувь, и я чиню ее.

Вот приходит знакомый школяр. Он из Сорбонны, где бесплатно обучают неимущих студентов, которые поспособней. И некоторые, случается, из Сорбонны, а выходят в ученые доктора, в Парижский университет. Может статься, и мой школяр добьется.

Я с него всегда беру подешевле, а он за то беседует со мной откровенно, не таясь.

Я его спрашиваю:

— Скажи мне, это правда, что Дева идет на Париж?

— По всей вероятности, должна бы прийти, — говорит он. — А придет ли, неизвестно. И мой тебе совет: ты про Деву лучше помалкивай. А будут при тебе говорить, ты погромче стучи молотком, заглушай эти разговоры.

Я говорю:

— С чего бы так?

— А вот с чего, — говорит он. — Вот недавно был такой случай. Одна женщина, Пьеронна, бретонка, говорила на улице громко, не стесняясь, что дама Жанна, которая начальствует над арманьяками, хорошая девушка и то, что она делает, хорошо и от Бога. Говорила она это в Корбэйле, а у наших господ руки длинные. Они ее там взяли и привели в Париж. И теперь она сидит в темнице, и палачи ее пытаются, чтобы она отказалась от своих слов, а она не отказывается. И помяни мое слово: не пройдет и полгода, как ее, всю истерзанную пытками, приведут на паперть собора Богоматери и будут увещевать, чтобы все слышали и ужасались, а потом ее сожгут на костре. И если ты не хочешь, чтобы с тобой такое было, так держи язык за зубами и молчи.

Я молчу. У меня полон рот гвоздей. Заговоришь, еще подавишься.

Но каждый день, от зари до сумерек, пока солнышко светит, приходят люди, приносят рваную обувь, и, пока они ждут, чтобы я починил ее, они беседуют.

— Старина Крокасек, слышал новость? Десять городов открыли ворота Деве.

— Дева взяла Суассон.

— Говорят, Дева повернула к югу. Взяла Шато-Тьерри и перешла через реку Марну. Видать, собралась зимовать на Луаре. Не придется ее ждать до весны.

— Дева взяла Бовэ.

— Дева не придет.

— Дева идет обратно на север. Скоро будет.

Мой школяр забегает ко мне. Его заплатки еще целы, он просто заглянул поболтать по душам. Он говорит:

— Не нравится мне это. Дева взяла Бовэ, и епископу Бовэ, Пьеру Кошону, пришлось бежать. Это подлый старик, душой и телом предался англичанам. Мы все, школяры, его терпеть не можем. Хитрый, злой и злопамятный.

Еще через день хорошие новости. Компьен сдался. Сильная крепость, большой город. По его мосту проходит дорога на север, и теперь англичанам отрезан путь в их северные владения и неоткуда ждать подмоги. Теперь уже скоро.

Но мой школяр говорит:

— Не жди! У нас в Сорбонне все известно. Королевские советники ведут переговоры с бургундским герцогом, и Деву не допустят нарушить обещанное перемирие. К тому же королевская казна пуста: хоть все сундуки обыщи — ничего не найдешь, кроме разве дохлого паука или сухой горошины. А Тремуи больше не хочет давать денег, скаредная душа. И солдатам нечем платить. И осталось у Девы человек триста, не больше.

Я ему возражаю, я стараюсь ему объяснить:

— Зачем ей солдаты? Мы сами откроем ей ворота. Весь город ее ждет. С ней Бог и ее победный меч из Фьербуа.

— Меч из Фьербуа разбился на куски. Он был старый и ржавый. И без войска нельзя сражаться. И бургиньоны не позволяют открыть ворота. Она не придет.

И вдруг мы узнаем, что она пришла.

Она движется к Мельничному холму, туда, где раньше был Поросячий рынок. Она идет по Аржантейльской дороге, перешла через ручей Менильмонтан.

Она у ворот Святого Гонория.

Мимо моей хибары бегут люди. Сколько людей! Можно подумать, все дома опустели, никто не захотел остаться дома. Все спешат подняться на городскую стену, своими глазами увидеть Деву. И я тоже бросаю свои колодки и молоток и бегу вслед за ними.

На стене полно арбалетчиков, лучников, английских солдат. Кулеврины повернуты жерлом навстречу Деве, и около каждой из них горкой лежат каменные ядра, которыми они будут стрелять. На стене полно бургиньонов из горожан, наспех вооруженных.

Нас отталкивают, но не гонят. Не до нас. И я нахожу местечко, откуда все хорошо видно.

Вон она, Дева, на гордом вороном коне. На ней богатые латы, изукрашены золотом и подбиты розовым шелком. Нарядная, как святая Катерина!

Бургиньоны не дремлют, стреляют непрерывно. Стрелы летят густо. Ни одна не смеет коснуться Девы. Кажется, будто, приближаясь к ней, они сворачивают в сторону. Само небо хранит ее, заслонив невидимым щитом.

Ее конь перемахнул через первый сухой ров, а перед Девой второй ров у самого подножия стены. Настоящая река. Глубокая, человека покрывает с головкой. А в ширину еще раз в десять побольше. В начале месяца шли дожди, Сена поднялась, оттого и во рву так много воды.

Солдаты Девы тащат плетенки из прутьев, вязанки хвороста, кидают в ров, хотят строить переправу. Течение все уносит.

Дева древком своего знамени нащупывает место, где способней будет переправиться. Рядом со мной арбалетчик нацеливается на Деву. Целься, целься! Твоя стрела на лету повернется в воздухе и тебя же поразит.

Он все еще целится.

Стрела летит и поражает Деву в бедро.

Она падает. Ее поднимают, хотят унести. По ее движениям видно, что ее уносят против воли. Она взмахивает своим знаменем, будто приказывает продолжать приступ.

Ее унесли. Ее войско отступает вслед за ней.

Почему они ее не послушались! Если бы они продолжали сражаться, еще небольшое усилие — они взяли бы город. Мы так твердо в это верили.

Спускаются сумерки, и наступает ночь. Люди нехотя уходят со стены. В темноте я слышу тихие голоса:

— Уж ей не вернуться. С той стороны города был у нее мост из лодок переброшен через Сену, мост, по которому она снова могла бы пойти на приступ. Лодки рассеяли по приказу ее короля.

И чей-то шепот:

— Предательство!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОВОРИТ ГИЛЬОМ ДЕ ФЛАВИ



Я — капитан Гильом де Флави.

Компъен открыл нам свои ворота, и мы торжественно vstupаем в город.

Впереди, рядом с королем, Жанна в позолоченных латах, в парчовой тунике на великолепном скакуне. За ними придворная знать и, наконец, мы — капитаны со своими компаниями.

Народ обезумел. Люди теснятся прямо под ноги коням, застилают мостовую своими одеждами и усыпают ее цветами. Но я замечаю, что все глаза устремлены на Жанну и все руки протянуты только к ней. Я вспоминаю слова ла Тремуйя: «Она больше властелин, чем сам король».

Целую неделю продолжаются пиры и торжества, а затем Жанна отправляется осаждать Париж. Но я обращаю внимание на то, что за ней следуют только ее ближайшие соратники со своими солдатами — герцог Алансон и некоторые другие, преданные ей. И я узнаю, что она уже не является главнокомандующим и королевские войска уже не подчинены ей.

Об этом следует поразмыслить.

Вскоре король тоже собрался покинуть Компьен, и перед отъездом ла Тремуй вызывает меня к себе и говорит:

— Мой милый Флави, о вас отзываются, как о многообещающем молодом капитане. Хвалят вашу смелость и прозорливость.

Я кланяюсь и благодарю.

Ла Тремуй продолжает:

— Король по своей милости отдал мне Компьен, чтобы я управлял им. Но за множеством дел и забот я не могу постоянно пребывать в одном городе. Я назначаю вас своим заместителем.

Я кланяюсь и говорю:

— Надеюсь оправдать оказанное мне доверие.

— Я тоже надеюсь, — говорит он.

Потом он молчит, жуёт губами и вдруг говорит:

— Какое у вас странное лицо. Неподвижное. Невозможно прочесть ваши мысли. Как будто вы идёте по жизни с вечно опущенным забралом.

— Я ваш покорный слуга, — отвечаю я. — У меня одна мысль, как лучше угодить вам.

Он говорит:

— От вашего поведения зависит ваша будущность, — и отпускает меня.

Вскоре затем король со всем своим двором уезжает, и я остаюсь господином Компьена.

О прекрасный, знаменитый город! На севере он важнейшая крепость, ключ к обладанию страной, более важный, чем Орлеан на юге. Хотя их укрепления построены по одному плану и приблизительно одних размеров, но Компьен важнее, потому что через него, по его мосту на Уазе, идёт дорога к северным владениям англичан и теперь этот путь перерезан. Для англичан эта потеря более чувствительна, чем если бы они проиграли все сражения целого года. Безусловно, они попытаются всеми средствами вновь овладеть им. Но я его не отдам. О нет!

Через несколько дней я получаю приказ ла Тремуйя сдать город бургундскому герцогу.

О нет, не так быстро!

Я не мальчишка, чтобы дали мне на недолгий срок поиграть в коменданты Компьена, а потом отняли бы игрушку и я бы

послушно отдал ее. Хитрец ла Тремуй ведет тонкие счета с бургиньонами, но теперь это не мои счета и не моя выгода. И теперь доверие компьенцев мне важнее, чем ваше доверие, мой сиятельный господин и благодетель, одной рукой дающий, а другой отнимающий обратно. От моих действий зависит моя будущность? Так будем же действовать осмотрительно.

Я приглашаю городских советников и других богатых и влиятельных горожан и сообщаю им о полученном приказе. Я видел, как они встречали Жанну, и предчувствую бурю. И, согласно моим ожиданиям, они гневными криками выражают свое возмущение.

— Мы верные подданные короля Карла и решились лучше погибнуть все, и с женами и с детьми, чем сдаться бургиньонам.

И теперь, когда я уверен, что компьенцы поддержат меня, я отвечаю ла Тремую, что исполнить его приказ не в моей власти.

Проходит еще немного времени, и я получаю письмо от самого Филиппа Бургундского. Он предлагает мне большую сумму денег и богатую наследницу в жены, если я сдам ему город.

Я отвечаю отказом.

Теперь, когда они испробовали прямой приказ и подкуп, им остается только осадить город и взять его силой. Вот этого я и хочу.

Защита такой крепости даст мне славу и власть большую, чем у самых доблестных капитанов. Я сплю и вижу эту осаду. Эта осада — моя будущность. Пусть, защищая город, я увижу, как мой любимый брат падет, разmozженный ядром, рядом со мной на городской стене! Пусть!.. Но пока Компьен в моих руках самому королю вместе с ла Тремуйем придется считаться со мной.

Итак, будем ждать осады и подготовимся к ней. Ла Тремуй заключил с бургиньонами перемирие сроком до Пасхи. За эту зиму Компьен станет неприступным.

Горожане с охотой и усердием помогают укреплять город. Даже женщины и дети принимают участие в работах. Мы очищаем рвы и исправляем их. Хитрая система затворов наполняет их водой из Уазы. В тех местах, где стены ниже или слабей, и особенно у ворот Пьерфон, где уже не однажды город брали приступом, мы укрепляем стены. Мы отливаем пушки и кулеври-

ны и заготовляем боевые припасы. С утра до ночи слышен стук молотов, обивающих круглые каменные ядра. Весь город в дыму, и саже, и мелкой известковой пыли.

Когда Жанна осаждала Париж, она увезла у нас маленькую пушку. Все пригодится, все идет в счет. Я посылаю двух людей за этой пушечкой. Они находят ее и привозят обратно.

В этих приготовлениях проходит зима. Едва кончился срок перемирия, как бургундский герцог собирает свои войска и идет на Компьен. Осада начинается двадцатого мая. Двадцать третьего Жанна узнает это, и после ночного марша, утром двадцать четвертого числа, она является в Компьен.

Она совсем не нужна мне. Она совсем лишняя. Она захватит мою славу. И без нее я сумею защитить Компьен. Я живу только для этой защиты.

Жанна появляется, улыбающаяся, нарядная. Никаких следов усталости после ночного похода. Рана в бедро, нанесенная ей под Парижем, давно зажила.

Она поднимается со мной на городскую стену и осматривает поле будущих действий.

Компьен на левом берегу Уазы. По ту сторону реки тянется широкая равнина, и по ней проходит дорога на север. На горизонте три колокольни: в Марньи, в Клероа в верховье Уазы и в Венетте. Там англичане, а бургиньоны — в Марньи и Клероа.

Первая наша защита со стороны врага — редут во главе моста у начала дороги, идущей через равнину. Жанна договаривается со мной расположить лучников на фронте и флангах редута, чтобы англичане не могли отрезать отступление. И также приготовить на реке лодки в достаточном количестве, чтобы могли принять пехоту в случае возвратного движения.

Я иду отдать необходимые распоряжения. По дороге я отзываю в сторону несколько солдат, которым я могу довериться, умных ребят, понимающих меня с полуслова. Я говорю им:

— Кто знает, что может случиться? Со стороны англичан возможна диверсия. Как бы они не напали с тыла, и тогда все наши предосторожности окажутся бесполезны для задних рядов. Как бы люди не разбежались... — и подмигиваю им.

— Это так, — говорят они и тоже подмигивают. — Все возможно. Могут испугаться и побежать.

— Как бы не побежали. Мало ли что, — повторяю я и ухожу. Все приготовления закончены ко всеобщему удовлетворению. Я выполнил приказ Жанны, и ей, и тем, кто с ней, не в чем упрекнуть меня. Но я также подготовил исполнение желаний ла Тремуйя и архиепископа Реньо.

Какие отчаянные, безумно откровенные письма писал мне Реньо: «Было бы величайшим благодеянием для страны избавить нас от этой авантюристкой, угрожающей власти церкви и трона и привилегиям благородных капитанов...», «Следует все обдумать заранее и с величайшей тщательностью...», «Ее невозможно прикончить ни в бою, ни в засаде. Ее боготворят и не дадут ее тронуть...», «Англичане решатся взять ее, только если выдать ее им связанной по рукам и ногам, — так они боятся ее колдовства...», «Надо все приготовить...»

Что же, все приготовлено.

Пять часов вечера, солнце еще высоко. Жанна со своим войском выезжает в ворота Компьена, через мост и на дорогу в Марньи.

Я подымаюсь на стену. Отсюда мне видно всю равнину. Ни одно движение войск не может ускользнуть от моих глаз.

Проходит час. Жанна занимает Марньи врасплох, без боя.

И вдруг я вижу, как бургиньоны выступают из Клероа и англичане выходят из Венетты. Они окружают войско Жанны.

И сразу же последние ряды ее солдат бегут в панике. Они стараются спасти свою драгоценную жизнь и увлекают за собой других. Одни бросаются к лодкам, другие к барьеру реду-та. Англичане преследуют их, и морды английских коней упираются в спины беглецов.

Сотни лодок, сорок больших барок принимают этих трусов и переправляют их в город. И я не разрешаю стрелять ни лучникам, ни кулевринам, чтобы не попасть в своих.

Жанна отрезана. Ее и горстку ее людей окружили со всех сторон.

О, конечно, я мог бы спасти ее. Я мог бы, предоставив защиту стен горожанам, вывести всех моих солдат из города, и сто гребных лодок в пять минут перевезли бы пятьсот человек. Но вместо этого я кричу:

— Поднимите мост! Закройте ворота! Не дадим англичанам войти в город!

И я вижу, как бургундский солдат хватает Жанну за край ее вышитого плаща и сбрасывает ее с коня. В ста шагах от моста, в расстоянии голоса от лодок на реке.

Все кончено.

Жанна в плену, и больше мне не опасна. Больше она не опасна ни ла Тремуйю, ни архиепископу Ренью. Больше она не опасна этим достойным виселицы беглецам, которых я спас. Больше она не опасна англичанам.

Теперь начнется осада Компьена, но крепость неприступна, и они не возьмут ее.

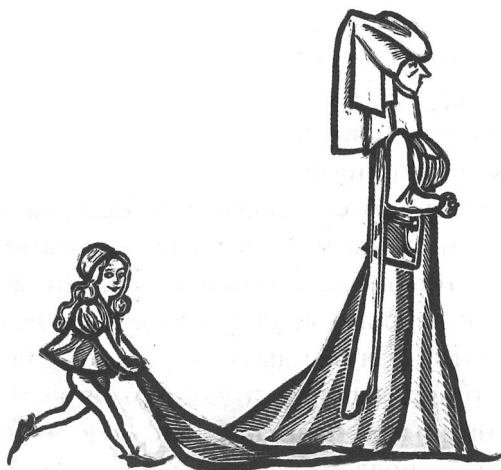
И теперь меня ждет великая награда, и теперь я возьму в жены богатую наследницу, и буду первым среди военачальников, и король будет бояться меня.

Так я думал тогда и верил, что все исполнится. И все исполнилось. А потом эта жена, богатая и знатная дама, в темноте ночи зарезала меня в моей постели.

Но это было потом и не очень скоро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОВОРIT ЖАННА ЛЮКСЕМБУРГСКАЯ



Я — высокородная и могущественная госпожа Жанна Люксембургская, графиня Линьи в Барруа и двадцать седьмая графиня Сэн-Пол в Артуа.

Будучи в преклонных летах, решила я покинуть свое постоянное местопребывание в королевском замке Фекан и посетить в его замке Бореуар моего племянника, Жана Люксембургского, графа Сэн-Пол, которого я сердечно любила и намеревалась сделать моим наследником.

В этом путешествии меня сопровождали супруга графа Жанна де Бетюн и ее дочь от первого брака Жанна де Бар.

Мы прибыли в Бореуар в начале августа. Погода была самая благоприятная, и густой лес, окружающий замок, еще не потерял своей листвы. Я ежедневно могла совершать недалекие прогулки, опираясь на руку моей племянницы или ее дочери.

Через несколько дней после моего приезда я узнала, что в сторожевой башне, обычном пределе моих прогулок, заключена пленница, и не кто иная, как Жанна, Орлеанская дева. При этом известии я почувствовала сильнейшее душевное волнение и тотчас потребовала, чтобы меня отвели к ней.

Моя племянница и ее дочь пытались меня отговорить, ссылаясь на то, что башня находится на холме и придется поднимать-

ся на еще большую высоту, потому что Жанну поместили на самом верху башни, а в мои годы такое усилие нежелательно и даже опасно для здоровья.

На это я ответила, что все дошедшие до меня о Жанне слухи наполняют меня удивлением и восторгом. Что даже у греков и римлян, не говоря уже о нашем упадочном веке, не было подобной ей героини. Не только является она полководцем более мудрым и предусмотрительным, чем самые знаменитые военачальники. Не только она отважнейший солдат, не боящийся ни ран, ни смерти. Но к тому же она отличается высокой чистотой нравов и многие считают ее святой, беседующей с небесными голосами.

И поэтому для меня, сестры кардинала и родственницы короля, будет высокой честью познакомиться с ней. Ни за что не прощу себе, если упущу счастливый случай, приведший меня в одну с ней местность. И пусть я паду бездыханной на этой бесконечной, ведущей к ней лестнице, я пойду, и никто меня не сумеет удержать.

Так велико было мое волнение, что я взлетела вверх будто на крыльях, и паж, поддерживающий шлейф моего платья, едва поспевал за мной. Но сердце билось так громко, что мне казалось, я слышу гудение большого колокола.

У самых дверей мои колени подогнулись, и, не поддержи меня моя племянница, которая, совсем запыхавшись, бежала вслед за мной, я, наверно, встретила бы Жанну коленопреклоненной. Но пока отпирали замки и отодвигали тяжелые засовы, я успела снова овладеть собой. Однако же ни слова я не могу припомнить из того, что я говорила Жанне и что она мне отвечала. И ее лицо, показалось мне, излучало сияние или, может быть, мои глаза были полны слез, так что я не сумела различить ее черты и только помню, что была она высока и стройна, в мужской одежде.

Во второе мое посещение моя племянница заметила Жанне, что нескромно девушке ходить в мужском платье, и предложила прислать ей любой из своих нарядов. В ответ Жанна улыбнулась. Я подумала, что она в любой одежде исполнена высокого достоинства и скромности, и прекратила этот разговор.

В течение моего недолгого пребывания в Бореуаре я ежедневно поднималась на башню и всеми возможными способами старалась скрасить Жанне ее печальное пленение. Но к концу второй недели я узнаю, что граф, мой племянник, собира-

ется продать ее англичанам за 2 636 больших золотых монет — доход, собранный за год с Нормандии.

Я пришла в ужас. Как можно было выдать Жанну англичанам, ее злейшим врагам? И я тотчас предложила сама внести этот выкуп за Жанну. Но мой племянник отказался. Оно и понятно. И без того рассчитывал он, что все мое состояние ему достанется.

Тогда я составила завещание, в котором запретила ему продавать Жанну англичанам под страхом лишения наследства. Кто знает, что случится впоследствии с этим завещанием? Мне известны кривые пути царедворцев, их лукавые уловки, коварство, корысть и властолюбие. И, быть может, мое завещание исчезнет, мой племянник наследует мне, а я к тому времени ничего уже не смогу изменить на этом свете.

Несчастливая Жанна! Она знала, чем ей грозит ненависть англичан. Смерти она не боялась, но устрашилась ужасных, ожидающих ее испытаний.

Ночью она разорвала простыню, связала полосы крепкими узлами и спустила ее из окна. Но такая страшная высота и такая короткая веревка! Разжав руки, она бросилась в пустоту.

Сухая земля рва смягчила удар, и Жанна осталась жива. Наутро ее нашли без сознания, без движения, почти без дыхания. Но как ни безнадежно было ее состояние, ее жизненная сила была так велика, что она оправилась.

Но я не сумела оправиться от этого потрясения. Когда я увидела ее, лежащую во рву, я почувствовала, что умираю. Меня уложили в постель, призвали врачей, пустили мне кровь и насильно вливали в рот отвратительные лекарства. Ничто не помогало.

Но я не хотела умирать в этом, отныне проклятом замке Бореуар и потребовала, чтобы меня отвезли в Авиньон.

Там, в Авиньоне, в монастыре Небесных братьев, покоится прах моего брата кардинала. Каждый год я посещала его могилу и приносила дары монастырю — ризу из зеленой парчи с кистями червонного золота, золотую гирлянду, украшенную драгоценными камнями, золотую статуэтку святой Кaterины.

Дорога из Бореуара в Авиньон длится двадцать дней — слишком долго для моего измученного тела. Я поняла, что я умираю.

Ах, я была высокородная, я была могущественная, я была несметно богатая — ничем не смогла я помочь Жанне.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОВОРИТ СТЕФЕН СПАЙР



Я — Стефен Спайр, лучник из гарнизона города Руана.

Едем мы, двенадцать человек, из Руана в Кротуа. Впереди нас Эдмонд Гэк, сержант, рядом со мной мой закадычный дружок Робин Грэв. Они веселые, добрые ребята, а едут молча, и морды у них злые и надутые. И я сам злюсь, и у меня надутая морда, и никакого нет желания пошутить или перекинуться словечком с остальными ребятами.

Едем мы в Кротуа четвертый день. Проклятая дорога непроезжая, проклятый холодный ветер дует, проклятая крупа сыплется с неба, не то дождик, не то снег. И едем мы по распроклятому делу.

Бургиньоны поймали французскую ведьму и продали ее нам. Королевский казначей заплатил за нее полный сундук золота, и бургиньоны обязались доставить ее в нашу крепость Кротуа и здесь уже вручить нам. Это еще хорошо, а то пришлось бы нам переть до самого Арраса, туда, где деньги были вручены за товар.

У нас мурашки по спине — то ли от холода, то ли от страха. Хоть мы храбрые ребята, а очень беспокоимся. Шутка ска-

зять, четверо суток придется нам, не смыкая глаз, сторожить ведьму. Да мало ли что она может сделать?

Она уже дважды сбегала от бургиньонов. Первый раз ее сразу поймали, так во второй раз она взяла и улетела прямо с верушки высокой башни. У ведьм это просто. Села верхом на помело, крикнула: «Абракадабра!» — и улетела. Но у этой ведьмы то ли не оказалось под рукой помела, то ли она второпях перепутала заклинание, а только вылетела она из башни и тут же грохнулась в ров. Другой бы человек разбился насмерть, а ей хоть бы что.

Эти ведьмы живучие. Ее убили стрелой под Орлеаном, а она воскресла. Под Жарго ей сбросили на голову каменную глыбу. От другой бы мокрое пятно, а она целехонька.

Как же нам не беспокоиться? Такие большие деньги за нее заплачены, а вдруг мы ее не доведем?..

Вот и бухта Соммы, и морские волны омывают стены Кро-туа. Мы переправляемся на другой берег, нам опускают подъемный мост, и мы въезжаем в ворота крепости.

Теперь можно будет отдохнуть в караульной, обогреться, закусить и выпить.

Как бы не так!

Не успели мы спешиться, как опять стук копыт на мосту и бургиньоны въезжают во двор.

Я смотрю, ищу глазами ведьму. Ведьмы нет! Слава святому Георгию — она сбежала от них и нам уже не придется возиться с ней.

Я говорю сержанту:

— А ведьмы-то нет!

Он тычет пальцем, указывает на молоденького парнишку, который смирно сидит на своей лошади в самой середине бургиньонского отряда. Сержант говорит:

— Есть ведьма. Вон она.

Я приглядываюсь повнимательней и замечаю, что действительно это не парнишка, а переодетая девушка. Смирная такая, с виду воды не замутит, а только в мужском платье. Это никакая честная девушка себе не позволит.

Так вот они какие, ведьмы, — в первый раз вижу. Я почему-то думал, что все они старые карги, нос сходится с подбо-

родком, а на подбородке седая щетина. Но, видно, они тоже бывают разные.

Комендант крепости со своими солдатами снимают ведьму с седла. У нее связаны руки, и она сама не может слезть. Они уводят ее в башню, а мы с бургиньонами идем в караульную.

Они до того рады, что избавились от нее, прямо рожи расплылись от радости. Теперь уж она не ихняя забота. Пьют и гогочут, будь они прокляты. А нам не до веселья. Так бы и трахнул их кружкой по башке. Но мы сдерживаемся.

На другое утро они уезжают, а мы остаемся.

Ведьму надежно заперли в тюремной башне. Окно забрано крепкой решеткой — оттуда не сбежишь. И в трубу тоже не улетишь, потому что башня не отапливается и нету трубы. Но она целый день торчит у окна. Если задрать голову повыше, видно белое пятно ее лица за решеткой. На что она смотрит? В прилив море бьется о стены. В отлив кругом болото. Смотреть не на что.

Мы живем в Кротуа целую неделю. Эдмонд Гэк, наш сержант, все советуется с комендантом, каким путем безопасней везти ведьму в Руан. По дороге в деревнях жители какие-то полумные, воображают, будто она святая. Как бы не узнали они, кого мы везем, не вздумали напасть на нас, попытаться ее отбить. А начнется потасовка, ей будет возможно ускокать — сгоряча и в суматохе не уследишь.

Надо весь путь обдумать: какой длины делать переходы каждый день, чтобы ночью останавливаться, где есть крепкие тюрьмы. И вот они целую неделю все рассчитывают и раздумывают.

Наконец все решено. Ведьму сажают на коня. Руки у нее связаны, и она крепко прикручена к седлу. Для верности мы держим в руке конец веревки, обвязанной вокруг ее пояса. Уже ей не вырваться.

Мы переправляемся через залив на большой плоскодонке и на другом берегу въезжаем в Сэн-Валери. Быстро проезжаем через город от Нижних ворот до Верхних. Уже жители выскакивают из домов, но мы пришпориваем коней, мчимся как молния. За нашими спинами глухой гул толпы, нам вдогонку летят камни, но мы уже проскочили город. Перед нами бесконечные пустынные поля, и среди них чуть заметная тропа.

Мокрый снег хлещет нам в лицо, лошади скользят по гололедице. По серому небу с жалобным кликом летят какие-то дикие птицы. Стаи ворон тяжело взлетают при нашем приближении.

В этот день мы проезжаем через шесть деревушек. Люди лениво смотрят на нас с порога своих хижин. Что, если ведьма крикнет им свое имя, откроется им? Мы тесней обступаем ее и подгоняем коней.

Проклятая дорога! За семь часов мы едва успеваем проехать семь лье до города Э. А в окрестных лесах водятся банды арманьяков — всякие беглые подмастерья, крестьяне, деревенские цирюльники. Что, если сейчас они окружают нас?

Поднимается густой туман, ничего впереди не видно.

Что за крик?

Нет, это кричат кулики.

Наконец мы вступаем в Э. На ночь мы запираем ведьму в Львиной яме — тюремной башне.

Следующая ночь в подземелье замка Арк.

Еще день.

Мы едем старой римской дорогой — Дорогой фей. Ведьма, совсем замученная, сидит смирнехонько, повисла на своих веревках. Видать, закоченела до костей в своем коротеньком красно-зеленом шелковом плаще. Ведь ее поймали в Компьене летом, в летней одежде. Плащ от снега совсем промок, хоть выжимай, и липнет к телу. А ночами в сырых камнях темниц тоже не пришлось ей отогреться.

Мне становится жалко ведьму. Но я сейчас же спохватываюсь. Жалеть ведьм — это большой грех.

Теперь уже недолго.

В самую ночь под Рождество мы въезжаем в Руан.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГОВОРИТ ПЬЕР КОШОН



Я — Пьер Кошон, епископ Бовэ, канцлер королевы Англии, ректор Парижского университета.

И теперь, когда Жанна в руках англичан и надежно заключена в башне руанского замка, мне предстоит судить ее и, взвесив все показания, по справедливости постановить, от добра она или от зла.

Но что такое добро и что такое зло?

Есть истинные пророки, слышавшие голос Бога, и лжепророки, слышавшие голос дьявола.

Как их различить?

Лишь по тому, что они нам вещают и каковы последствия их вестей, потому что сказано в Священном Писании: «Не бывает дурных плодов от доброго древа».

Когда в Пуатье пытались установить истину, присутствовавший там ученый богослов, вершина познаний в подобных делах, епископ Жан Жерсон, постановил, что она девушка разумная и набожная. Повинуясь своим голосам, Жанна освободила Орлеан и короновала дофина — это добро для арманьяков. Но для англичан это зло.

Чашки весов равны и не колеблются, но я бросаю на них еще одну крупинку зла, того зла, которое она причинила мне.

Она взяла Бовэ, и я потерял свое епископство и доходы города Суассон. Она лишила меня доходов Компьена, находившегося под моей духовной властью. Из-за нее потерял я деньги и власть. И это плохо. Это зло.

Чашка весов клонится, клонится. И без суда могу я осудить Жанну по всей моей справедливости.

Но мое решение должно быть убедительно для всех людей и на все времена. Чтобы оно опозорило Жанну и ее короля в глазах всего света, и никто уже не смел поклоняться ей и верить ей, и коронация стала бы кошунством и недействительна.

И, чтобы все это так и стало, я начинаю торжественный процесс осуждения и выбираю состав суда. В него входят инквизитор и сорок епископов, аббатов и докторов церковного права.

Герцог Бедфорд, регент Франции, поручая мне ведение процесса, выразил сомнение, удастся ли мне доказать виновность Жанны. Я улыбнулся — у меня были свои основания отомстить ей, — и я сказал:

— Не беспокойтесь. Это будет прекрасный процесс.

Благодарный, он вручил мне на расходы более ста тысяч золотом, и я расписался в их получении.

Он это знал, и я знаю, что этот процесс противозаконен. Жанна взята в плен в бою и с оружием в руках. По закону надлежит отпустить ее за выкуп или держать в плену бесконечно. Но нельзя судить и нельзя присуждать к казни.

Я продал закон, и англичане купили его.

Что со мной? Я вдруг спохватываюсь, что, пока я все это обдумывал, я сидел в моем кресле сгорбившись, опираясь локтями на колени, подперев ладонями щеки, и мой язык, высунувшись из рта, облизывал губы. Небесные святые, помогите мне! Точь-в-точь так же сидит на высоком парапете в соборе Парижской Богоматери каменный, неподвижный отец лжи и источник зла — дьявол...

И вот начинается процесс, и Жанну вводят в залу суда. Ее стриженные волосы отросли и падают ей на глаза. Ее лицо не умыто — ведь я распорядился, чтобы воды ей едва хватало утолить жажду. Ее одежда, недавно богатая и яркая, запачкалась и истерта цепями. Но она не смущена своим видом, она дви-

жется прямая и гордая, будто особа королевской крови. Ее цепи звенят по каменным плитам пола, а она приближается, высоко подняв голову, — рыцарь без страха и упрека.

На мгновение мной овладевает холодный страх, будто весь мир упрекает меня и до скончания веков мое имя будет проклято.

Но тотчас все мое существо наполняется бурным весельем. Такое я чувствовал, когда еще мальчишкой случилось мне драться. Мой противник шел на меня, засучив рукава и сжав кулаки, здоровенный, сильный, выше меня на голову, а я знал, что сейчас подставлю ему подножку и он шлепнется лицом на камни и в кровь расквасит нос.

Я нагибаюсь вперед и с улыбкой, ласково спрашиваю:

— Твое имя и прозвище?

Она отвечает:

— На моей родине звали меня Жаннетой, во Франции — Жанной. Никаких прозвищ я не знаю.

Я ожидал, что она назовет себя посланницей неба, Божьей дочерью, и на этом я ее поймаю. Но она почуяла ловушку и обошла ее.

Я говорю:

— Поклянись отвечать правдиво на все вопросы о твоей вере и о всем другом, что ты знаешь.

Она отвечает:

— О моем отце и матери и о всем, что я делала на дорогах Франции, я охотно клянусь говорить. Но о моих голосах я ничего не открою. И даже если вы мне отрубите голову, я ничего не скажу, потому что это тайна.

Я говорю терпеливо, скучающим голосом:

— Клянись просто и без условий.

Она отвечает:

— Поразмыслите как следует о том, что вы собираетесь спрашивать, вы, мой судья. Потому что вы берете на себя большую ответственность.

И тогда, чтобы усыпить ее внимание, я начинаю ее расспрашивать о ее родителях и детских играх, о священном дубе в Дом-реми, о том, как она с подружками сплетала венки и вешала их на его ветвях. Понемногу, незаметно я перехожу к ее головам. Ее лицо светлеет, и, увлекшись, она говорит:

— Я слышала голоса в полдень, летом, в саду моего отца, когда звонили колокола.

Колокола? Студентом в Парижском университете я тоже слушал колокола. Они перекликались, то вступая, то отступая, ведя свою сложную мелодию, хоровод небесных сфер. Тонкие дисканты перебивали друг друга, торопливо вознося свои детские голоса. И тревожные удары большого колокола, от которого сотрясались стены моей кельи.

Я тоже слышал голоса, но я знал, что это звонарь собора Богоматери дергает веревки колоколов.

Жанна говорит:

— Я поняла, что это голоса ангелов, святой Маргариты и святой Катерины.

— Как же ты узнала, что это они? Как ты различала их друг от друга?

Жанна хмурится и повторяет:

— Я знала, что это они, и я их различала.

— Но как это?

— Я узнала их, потому что они называли мне свои имена.

— Но, Жанна, ведь имена ничего не значат. Они могли обмануть тебя. Подали они тебе какой-нибудь знак, что это действительно они?

— Я вам сказала, что это они. Если хотите, верьте мне.

Я продолжаю допрос, отвлекая ее внимание мелкими подробностями, утомляя ее и раздражая, стараясь добиться признания, что ее голоса не от Бога.

— А в каком виде они являлись?

— Их головы были увенчаны коронами. Я видела их лица.

— А волосы у них есть?

— Конечно! С чего бы им стричься.

— А эти волосы длинные и обильные?

— Я не знаю. Я не знаю, есть ли у них руки и другие видимые члены тела. И об их одеждах я не буду говорить, потому что я о них ничего не знаю. Но я видела их лица, и они говорили со мной, и я их понимала.

— Как же они могли говорить, если у них нету тела?

— У них прекрасный, нежный и кроткий голос. Они говорят по-французски.

— А по-английски они не говорят?

— С чего бы им говорить по-английски? Они не на стороне англичан.

Я начинаю дразнить ее, надеясь вывести из себя:

— Есть у них сережки и кольца?

— Я ничего об этом не знаю.

— Они одеты или обнажены?

— Что же, вы думаете, что у Бога не во что одеть их?

Так бесконечно тянется допрос. Я замечаю, как она устала и побледнела, и я снова повторяю те же вопросы.

— Ты ничего не сказала о теле и членах святой Маргариты и святой Катерины.

— Я сказала вам все, что я знаю, и больше я ничего не скажу. Я их хорошо видела. Я вам все сказала. Уж лучше бы велели отрубить мне голову. Я больше ничего не скажу.

— Жанна, — говорю я, — почему ты думаешь, что это Бог создал их такими, какими ты их видела? Ведь известно, что дьявол Люцифер является в ослепительном свете, в виде прекрасного мужчины, и ему ничего не стоит принять женский облик. Если бы дьявол явился тебе в виде ангела, как бы ты узнала, добрый это ангел или злой?

— Разве я не отличила бы, ангел это или нечто, что под него подделывается?

И она говорит о том, что ее святые являются ей в сопровождении миллиона ангелов, очень маленьких, в бесконечном количестве.

У меня самого в глазах начинают мелькать и кружиться какие-то светящиеся точки, искры, звезды, трепещущие крылья. У меня кружится голова. В этой высокой обширной зале какой-то тяжелый воздух. Мне кажется, что пахнет серой. Откуда я знаю, может быть, эти сорок епископов, и аббатов, и докторов церковного права переодетые черти?

Я совершенно измучен. Мой язык распух и не помещается во рту. У меня едва хватает силы приказать отвести Жанну обратно в ее темницу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГОВОРIT ПЬЕР КОШОН (ПРОДОЛЖЕНИЕ)



Уже три месяца тянется процесс и я не могу добиться признания, что ее голоса и дела, послушные этим голосам, — от дьявола.

Я допрашиваю ее в зале суда, и я допрашиваю ее в ее темнице.

Это хорошая темница, способная сломить дух и тело. Обширная, низкая, и нету в ней окон. Посередине, у толстой колонны, поддерживающей потолок, настелен деревянный помост. На нем охапка соломы и две миски. На этой подстилке Жанна прикована цепью за ногу к колонне так, что может она лечь, и сесть, и ступить два шага — не больше.

Три тюремщика не покидают ее ни на мгновение. Их старательно выбрали, думаю, по всей стране не найти им подобных. Я сам не могу без отвращения смотреть на их тупые и жестокие лица. Когда она бодрствует, она принуждена слушать их наглые насмешки. Когда она спит, они лежат рядом с ее подстилкой, сторожат каждое ее движение.

Но ничто на нее не действует. Ни тяжесть цепей, ни спертый, зловонный воздух, ни жалкая пища, ни постоянное при-

сутствие этих негодяев. На все мои вопросы она отвечает смело и правдиво, но о тайне своих голосов говорит: «Не знаю» или: «Спрашивайте о другом».

Я пытался запугать ее угрозами. Я показал ей палача и орудия пытки. Она сказала:

— Поистине, даже если вы разорвете меня на части, так что душа отделится от тела, я ничего вам не скажу. И после, если бы я даже сказала что-нибудь, я буду говорить, что вы принудили меня силой. И мои голоса сказали мне, что уже недолго осталось терпеть и скоро я буду освобождена.

Я убеждаю ее:

— Жанна, если ты не хочешь верить церкви и ее служителям, значит, ты еретичка и будешь сожжена для спасения твоей души и тела.

И она гневно говорит:

— Ничего другого я не скажу. И если я увижу огонь, я снова скажу то, что я говорила, и ничего другого.

Я так устал, что бывают дни, когда мой врач не разрешает мне подняться с постели. Такая у меня к ней ненависть, что я не могу больше терпеть. Моя ненависть душит и убивает меня. Нам двоим нет места на земле. Пока она жива, нет мне жизни.

Я посылаю ей искусно приготовленного карпа. Золотисто поджаренного, под пряным соусом, который скрывает запах и вкус яда.

Я стою у окна и смотрю, как слуга, несущий блюдо, переходит через двор замка. Вот он дошел до круглой тюремной башни. Открылась узкая щель двери. Он вошел, и дверь закрылась за ним.

Я стою у окна и смотрю.

И вдруг дверь распаивается. Слуга бежит обратно. Без стука он врывается в мою комнату и кричит:

— Она съела совсем немного и упала в корчах. Она умирает. О, что я наделал!

Сейчас она умрет неосужденная, неопозоренная. Это мученическая кончина. Ей будут поклоняться как святой. О, до чего меня довела моя ненависть! Что скажет Бедфорд? Что он делает со мной? И деньги, которые я от него принял и не исполнил обещанного.

Я кричу:

— Врача! Врача!

И врачу я кричу:

— Скорее! Спаси ее, и я тебя озолочу!

Неделю она на грани смерти. Неделю я брожу как потерянный. Как отец, у которого отнимают любимое дитя. Как влюбленный, теряющий свою возлюбленную.

Наконец — о счастье! — приходят и говорят, что она вне опасности.

Я прихожу к ней. На ее лице следы мучительной болезни. Теперь мне удастся ее сломить.

Я, добрый и заботливый, выражаю ей мое глубокое сочувствие. Я говорю:

— Дитя мое. Ты не хотела бы, чтобы тебя взяли из рук англичан и увели из этой гнилой темницы? И отдали бы тебя в светлую церковную тюрьму, где вокруг тебя были бы добрые монахини и ты молилась бы вместе с ними и была бы спасена?..

И я говорю:

— Жанна, зачем ты ходишь в мужской одежде? Ведь нет в этом необходимости, и особенно теперь, когда ты в плену. Не думай, что ты поступаешь хорошо. Бог создал тебя женщиной, а ты, вопреки Его воле, стремишься принять мужской образ. Это ересь и противно церковным законам. Перестань носить эту одежду. Надень женское платье!

Уже не первый раз я говорю ей эти слова. Но каждый раз она отвечала:

— Я делаю так по велению моих голосов.

Теперь, ослабленная болезнью, она говорит:

— Лучше мне умереть, чем жить закованной в цепи. Но если вы правда поместите меня в другую тюрьму, и снимете с меня оковы, и вокруг меня будут женщины, я буду послушной и сделаю то, что вы хотите.

— Сделай, — говорю я, — и ты будешь освобождена.

Я приказываю снять с нее оковы, бережно поддерживая, увожу в соседнюю комнату. Я сажаю ее в кресло и говорю:

— Жанна, я верю тебе, но надо, чтобы все остальные тебе поверили. Ведь все видели, что ты ходишь в мужском платье,

и они могут усомниться, что ты раскаялась и согласна поступать, как полагается доброй девушке. Подпиши эту бумагу, и я покажу ее судьям, и все будет кончено.

Я протягиваю ей лист пергамента и вкладываю ей в пальцы перо.

— Подпиши. Подпиши же!

В отчаянии она защищается:

— Я не могу подписать. Я не понимаю, что тут написано. Я не должна подписывать эту бумагу.

Я говорю:

— Если ты сейчас же не подпишешь, ты будешь сожжена на костре.

— Ах как вы стараетесь меня соблазнить. Я ничего не сделала дурного.

— Тогда подпиши!

Она теряет силы, она соглашается:

— Я согласна сделать все, что потребуют.

Я беру ее за руку, я веду ее рукой, и она подписывает.

Вечером кардинал Уинчестер и епископ Теруан, советник короля Англии, гневно упрекают меня, что теперь, когда Жанна отреклась от своих голосов, ее по закону уже нельзя казнить. Я спокойно выслушиваю их гневные крики, и когда — видно, не хватило им дыхания — они наконец замолкают, я говорю:

— Господа, не волнуйтесь. Теперь-то мы ее поймали.

На другое утро на кладбище Сэнт-Уан происходит торжественное публичное отречение.

Еще совсем рано, но в этот майский день солнце светит ярко. Под его лучами серые камни собора нежно розовеют, деревья в цвету, свежая трава зеленым ковром на могилах.

Здесь пред лицом судей — кардинала Уинчестера, епископов Нойона, Норвича и Теруана, магистра Гильома Эрара; здесь, пред толпой жителей Руана, сбежавшихся на зрелище; здесь, в окружении английских солдат, которые подавят любой возмущенный возглас, Жанне читают ее отречение.

Ослепленная солнечным светом, которого она так долго не видела, оглушенная рокотом человеческих голосов, и, наверное, голова у нее кружится от свежего воздуха, она еще пытается увильнуть:

— Если есть в моих словах и делах дурное, злые слова и злые поступки — это моя вина.

Магистр Эрар восклицает громко, так что всем его слышно:

— Ты отрекаешься от своих слов и дел?

И вторично:

— Ты отрекаешься?

И в третий раз:

— Ты отрекаешься?

И Жанна, склонив голову, говорит:

— Я подчиняюсь воле моих судей.

Тотчас солдаты хватают ее. Я приказываю:

— Отведите ее обратно в темницу.

Там с нее срывают мужскую одежду и кидают ей женское платье. Пусть наденет его, как обещала в своем отречении.

Ее ноги непривычно путаются в длинной, до полу, юбке.

И теперь она поймана, теперь она поймана! Попалась пичужка в ловушку.

Прощай, прощай, все кончено! Настало время радоваться, время пировать и веселиться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГОВОРИТ ДЖОН БАРДОЛЬФ



Эй, автор, что ты отворачиваешь свое лицо? Боишься смотреть на нас? Мы — твоё воображение, а ты трусишь? Не прячься в подушку, не закрывай голову одеялом. Смотри, смотри, слушай!

Я — Джон Бардольф, тюремщик. Это Джон Грэй — мой товарищ. А этот — третий. Нас трое. Мы тюремщики Жанны. Ночью, как было нам приказано, мы спрятали её платье. Жанна просыпается и не может встать. Нечего ей надеть — вот потеха!

— Жанна, вставай! Ах ты, лентяйка, продери глаза. Уже пегухи трижды пропели — на дворе день.

Она зарылась в солому, вертится, как червяк, пытается прикрыть свою наготу.

— Не стыдись, красотка! Не стесняйся, душечка! Вот тебе твои штаны и курточка. Вставай, одевайся.

— Господа, я прошу вас, отдайте мне женское платье. Вы знаете, мужская одежда мне запрещена.

— Не хочешь — как хочешь. Лежи хоть до ночи.

Она вертится, крутится, больше нет силы терпеть. Она надевает мужскую одежду.

— А мы было думали, что ты девушка. Хотели было тебя ущипнуть. Эй, ведьма, приятна тебе привычная одежда?

Тут в темницу врывается епископ, монсиньор Кошон, и ловит ее на месте преступления.

— Вчера ты отреклась, клялась быть послушной. И суток не прошло, ты вновь впала в ересь!

Теперь уж ее осудят. Теперь уже всё. Теперь уж по праву и закону — костер. Эй, автор, мы уходим. Мы свое сделали, свое сказали. Что же ты не смеешься нашей хитрой шуточке?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОВОРИТ ЖЕНА ДЮРОМА



Я — жена Годфруа Дюрома, руанского гражданина. Раньше мой муж был скорняк и у него была лавка в кожевенном ряду подле гостиницы «Бога любви». Но лет десять тому назад он за преклонным возрастом удалился от дел и купил маленький домик на площади Старого рынка, между гостиницей «Весов правосудия» и харчевней «Котла».

С утра я сажусь с моей прялкой у окна второго этажа и смотрю на площадь. Отсюда мне видно и угол церкви Спасителя, и бани «Серебряного льва», и лавку мясника Робэна ле Пелетье, у которого я покупаю мое воскресное жаркое, и гостиницу «Кошки и мышки», и прямо против моих окон улица Тюрьмы, а на ее углу богатые дома господ де Баквиль и де Бондевиль.

А улица вся заставлена тележками зеленщиков, и если поторговаться, так можно дешево купить ранние овощи.

Старый рынок так и кишит народом. И ремесленники, и горожанки со своими слугами, и крестьяне из окрестных деревень, и путники, верховые и пешие. Тут и трезвые, и пьяные,

споры, и драки, и торговля. И карманные воришки, и банщицы, зазывающие желающих смыть дорожную грязь гостей. Есть на что посмотреть. И так-то весь день до самого вечера, а потом фонари у подъезда гостиницы гаснут, и ночь, и тишина.

Но в эту ночь под тридцатое мая я не могла заснуть. Все время меня будили то визг пилы, то стук молотков. Свет факела то вспыхивал, то мерцал, проникая сквозь плотные полотняные занавески моей кровати.

Я подумала, что назавтра готовится казнь, но не могла понять, почему же такие долгие к ней приготовления. Ведь казни на Старом рынке не редкость и немало горожан заплатили жизнью за свою ненависть к англичанам. И все мы здесь, в Руане, осторожны в своих разговорах, а увидев англичанина, и вовсе замолкаем — немеет, как рыбы, набравшие в рот воды.

А красный свет факелов перебегал от стены к стене.

Я не выдержала и осторожно выскользнула из-под одеяла, чтобы не разбудить мужа. Он намного старше меня и нуждается в отдыхе. А обеспокоить его раньше времени, будет ворчать и браниться.

Итак, я потихоньку встала и босая подошла к окну. Тут я увидела, что нагнали на площадь много рабочих и они высоко, ряд за рядом, возводят каменную кладку, скрепляют ее раствором, так что вместо низенького нашего эшафота вырастает подножие для костра, длинное, и широкое, и высокое — такое, что отовсюду издалека будет его видно. А вокруг костра, у самой ограды церкви Спасителя, с той стороны, где кладбище, из крепких бревен и длинных досок сколачивают эстрады.

И тут я поняла, что этот костер для Жанны и эстрады для ее судей и убийц.

Я упала на колени и, положив руки на сиденье табурета, долго плакала и молилась, чтобы случилось чудо, чтобы Жанна спаслась, чтобы не для нее были эти приготовления, чтобы пусть вдруг ночью напали на Руан войска французского короля и все его отважные капитаны, соратники Жанны — Дюнуа, ла Гир, Алансон и как их всех зовут, — и взяли бы Руан, и освободили Жанну, и убили бы проклятых англичан, уже столько лет поработивших нас.

Между тем рассвело; я умыла лицо и руки, неслышно оделась и, прикрыв за собой дверь, вышла на площадь. И уже каменщики и плотники ушли, окончив свою работу, а со всех улиц, из всех домов выбегают люди и спешат к Тюремной улице. И я поспешила вслед за ними.

Так, во все более густой толпе, прошла я сперва на север улицей Веселых ребят, свернула к востоку улицей Конопатчиков, улицей Чулочников к перекрестку Медного горшка. И тут я увидела Жанну.

Раньше я не видала Жанну. Я думала: она грозная, сияющая, в блестящих доспехах, поднятым мечом изгоняющая англичан из Франции, будто Адама и Еву из рая. Она сильная, здоровая, никакие раны ей не страшны, впереди всех кидается в битву. Сострадательная, милосердная, не позволяет своим солдатам проливать невинную кровь, убивать мирных граждан, и, повелительную, они не смеют ее ослушаться.

И теперь я увидела Жанну.

На тележке, запряженной четырьмя лошадьми, окруженная отрядом английских лучников, стояла девушка, такая иссохшая, такая изнуренная, такая серая, будто каменная статуя мученицы на портале собора.

И о ужас! Голова у нее была обрита догола — позорное наказание, которому подвергают только самых дурных женщин. И из широко открытых, изумленных, испуганных глаз лились слезы. Все лицо было мокро от слез.

И, глядя на нее, я почувствовала такую скорбь и боль, будто пронзили меня мечом от горла и до ступней, и я зарыдала, и рыдающая толпа, теснясь, несла меня из улицы на улицу, так что в беспамятстве проделала я весь обратный путь и снова очутилась на Старом рынке.

Жанну сняли с тележки, и два монаха-доминиканца помогли ей подняться на южную эстраду. Здесь проповедник — Николай Миди его проклятое имя — долго говорил, и его слова доносились до нас:

— Жанна, называющая себя Девой, вредоносная, гибельная, обманщица, волшебница, суеверка, богохульница, самохвалыщица, язычница, вызывающая дьявола, вероотступница, еретичка...

Он говорил и говорил, и Жанна терпеливо слушала эту бесконечно долгую, гнусную речь. И когда он наконец замолчал, она ответила своим высоким, детским, охрипшим от слез голосом:

— Я прощаю всем людям, причинившим мне зло.

С вышины своей эстрады королевский судья Ральф Бутлер крикнул:

— Уведите ее!

И палачу:

— Исполняй свой долг!..

Не могу я об этом говорить. Пятьсот лет пройдет, тысяча лет пройдет, невозможно говорить об этом спокойно.

Палач цепями привязал ее к столбу, обвинил цепями от ног и до пояса, и густой черный дым закрыл ее.

И тогда мы, стоящие на площади, двинулись к эстрадам.

И судьи, почуяв наш гнев, поспешно покидали свои места, испугавшись нас, безоружных, один за другим убегали.

Но в какое-то мгновение был отдан приказ палачу раздвинуть пылающие дрова, чтобы показать нам тело обугленное, скоробившееся, закрученное вокруг столба.

Так мы увидели ее в последний раз в вихре черного дыма.

Когда я очнулась и вспомнила, что у меня есть дом и муж, который ждет меня, испугавшись, спросила:

— Который час?

Мне ответили:

— Шестой пополудни. А началось в девять.

Я стала поспешно проталкиваться среди расходящихся горожан и подумала, что муж будет бранить меня. Но, когда я вошла в дом, я увидела, что он стоит у окна, опершись на свой костыль, и смотрит на площадь, и его белая борода вся влажная от слез. Я бросилась к нему и прижалась к его груди, а он обнял меня одной рукой, и мы оба долго и неутешно плакали.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГОВОРИТ ЖОФРУА ТЕРАЖ



Я — Жофруа Тераж, палач города Руана.

Когда костер догорел, я пошел к кардиналу Уинчестеру и спросил, что делать с останками. На это он приказал:

— Собери пепел тела, и уголь костей, и золу дерева и брось в Сену, повыше моста, чтобы ничего не осталось, чему люди могли бы поклоняться.

Я сгреб пепел, а кости все сгорели, и только сердце лежало обугленное, но целое среди жирной золы.

Я пошел на мост, сбросил пепел и сердце в воду, и течение унесло его.

Все исполнив, я вернулся домой и крикнул жене:

— Давай ужинать, потому что я работал весь день, и устал, и проголодался.

Она пошла на кухню и принесла жареную баранину.

Она шла, отвернувши лицо, и бросила блюдо на стол, будто оно жгло ей пальцы.

Я сказал:

— Что ты воротишь нос? Садись и ешь.

Она ответила:

— Меня мутит от запаха жареного мяса.

Я повторил:

— Садись и ешь.

Взял нож, отрезал жирный кусок и положил на ее тарелку.

Она отошла к дальней стене и, держась за нее распростертыми руками, крикнула:

— Палач!

Я сказал:

— Это ремесло как всякое другое. Я честно потрудился и заработал на баранину для нас обоих.

Она начала кричать:

— Палач, палач, палач!

— Сама-то ты кто? — сказал я. — Жена палача и мать палача, моего будущего сыночка.

Но она кричала:

— Никогда не вымолить тебе прощения и, не будет тебе отпущения греха, который ты сотворил сегодня!

Я добрый человек. Я зря собаку не толкну, но тут я не выдержал. Я дал ей здоровую затрещину — она отлетела от стены, упала на пол и замолчала.

Я подвинул к себе тарелку и поел в тишине и спокойствии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Высокое нравственное начало — верность Родине, верность в любви и дружбе, альтруизм — вот фундамент, вот основа основ, вот соль жизни.

И недаром последняя книга О. М. Гурьян (1899—1973) «Свидетели» рисует подвиг Жанны д'Арк как неизбежный выход высокого нравственного духа человека перед лицом великой трагедии Родины.

Жалкие дипломатические ходы короля «бледнеют и меркнут» перед гением Жанны. Они не способны спасти страну от 100-летнего ига. Спасет Францию Жанна д'Арк — сосредоточие народного духа, народной нравственности, чуждой себялюбия, эгоизма, карьеризма.

Образ Жанны для О. М. Гурьян — итог ее поисков нравственного начала в человеке, поисков поэтического идеала. Этот образ преследовал писательницу все последние годы жизни.

Вот как сама О. М. Гурьян пишет об этом: «Так что же мне делать? Как мне быть и жить дальше? Вот уже сколько лет меня преследует мысль о Жанне. Днем и ночью. Все ночи напролет я лежу без сна и смотрю в ночное окно, и за окном грохочут грузовики и вдруг вспыхивает ослепительная искра — ранний трамвай, — и который же сейчас час! И я знаю, что нет мне спасенья и нет мне избавленья от навязчивой мысли, пока я не напишу эту книгу. Жанна удивительная, до сих пор не объяснимая.

До нее и после нее великие полководцы, заливая землю огнем и кровью, завоевывали полмира и вновь теряли его. Эти чудовища с ранних лет учились своему ремеслу, знатные звери, не обоящиеся чужой смерти. Жанна — никого не завоевывала, а всего лишь освободила свою родину...»

Горы исторического материала: монографии, исследования, кипы старинных гравюр, старинные книги, вещи, воспоминания очевидцев и свидетелей. Все представления об эпохе Столетней войны, накопившиеся за долгие годы, сейчас силою памяти вызваны к жизни и собраны как в фокусе.

Г. А. Дубровская



Т В О Й К Р У Г О З О Р

О. М. Гурьян

СВИДЕТЕЛИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ РАССКАЗЫВАЕТ
О СОБЫТИЯХ ВО ФРАНЦИИ В НАЧАЛЕ
XV ВЕКА. КОРОТКАЯ, НО ЯРКАЯ ЖИЗНЬ
ЖАННЫ Д'АРК ПОКАЗАНА ГЛАЗАМИ
ЕЕ СОВРЕМЕННИКОВ.

«Твой кругозор» – это проверенные временем традиции научно-познавательной литературы для детей. В серию вошли лучшие книги по гуманитарным и естественно-научным предметам, написанные российскими и зарубежными авторами. Книги серии позволят вам расширить кругозор, повысить свой образовательный уровень и стать знатоками в различных областях знаний.

МАТЕМАТИКА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЗИКА ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИЯ

ISBN 978-5-09-017953-9



9 785090 179539 >